

ДАНИЭЛА СТИЛ

Никогда не сдавайся

СЧАСТЛИВЧИКИ

Великолепная Даниэла Стил. Новое оформление

Даниэла Стил
Счастливики

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Счастливики / Д. Стил — «Эксмо», 2013 — (Великолепная Даниэла Стил. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-176542-2

Даже идеальная жизнь может разрушиться в одно мгновение. В этом трогательном и эмоциональном романе Даниэла Стил знакомит читателей с харизматичными героями, которые пытаются преодолеть трагедию и победить жизненные обстоятельства. Лили Томас - начинающая чемпионка по лыжным гонкам. Она готовится к Олимпийским играм и всем сердцем мечтает завоевать золото. Но у судьбы свои планы, и счастливое будущее Лили рушится в результате трагического несчастного случая. Отец Лили, успешный бизнесмен Билл Томас, в отчаянии. Он возлагал все свои надежды на дочь, но теперь его мечты разбиты вдребезги. Билл обвиняет всех, даже талантливого хирурга Джессику Мэтьюз, которая оперировала Лили в ту ужасную ночь. Но и в жизни Джессики происходит опасный поворот судьбы. Жизни героев переплетаются. Финансовый менеджер Джо терпит неудачу в карьере, психолог Кэрол переживает страшную болезнь, а Тедди мечтает поступить в колледж и стать художником, несмотря на повреждение спинного мозга. Шесть человек принимают вызовы судьбы и отказываются терпеть поражение. И когда Билл строит реабилитационный центр для дочери, он еще не знает, что навсегда изменит жизни героев. «Счастливики» - это история о том, как важно не сдаваться. Ведь когда Лили снова встает на лыжи, она понимает, что уже выиграла главные игры - игры судьбы. Когда кажется, что все потеряно, помни: битва только начинается.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-176542-2

© Стил Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Даниэла Стил

СЧАСТЛИВЧИКИ

*Моим любимым детям,
Беатрис, Тревору, Тодду, Нику,
Саманте, Виктории, Ванессе, Макс и Заре.
Будьте благословенны,
удачливы и счастливы
и имейте силу, мужество
и упорство быть победителями!
Я так сильно люблю вас,*

Мама /ДС

*Благо одного – благо для всех.
Мэри Бейкер-Эдди*

**Danielle Steel
Winners**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2013 by Danielle Steel
All rights reserved.

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Когда снежным январским утром сработал будильник, Лили Томас лежала в постели. На мгновение открыв глаза, она увидела густой снег, кружащий за окнами дома, который ее отец арендовал в Скво-Вэлли, и на секунду ей захотелось перевернуться на другой бок и снова уснуть. Вдалеке слышались взрывы динамитных шашек на лавиноопасных склонах, и она с одного взгляда поняла, что сегодня за день. В сильный снегопад за окнами почти ничего не видно, и если гора открыта, то это ненадолго. Но Лили нравилось кататься в метель. Это была хорошая тренировка, и ей не хотелось пропускать ни дня занятий со своим любимым инструктором Джейсоном Йи.

Они с отцом приезжали сюда каждый год в рождественские каникулы. Рождество отмечали дома, потом летели в Сан-Франциско, где отец встречался с друзьями и решал деловые вопросы, в основном с венчурными фирмами в Кремниевой долине, а затем они ехали в Скво. Это была традиция, которую Лили любила, да и каталось ей здесь замечательно. Они приезжали сюда с тех пор, как девчонкой она начала заниматься горными лыжами, а три года назад, когда ей было четырнадцать, Лили выиграла на юношеских Олимпийских играх бронзовую медаль в скоростном спуске. И сейчас она готовилась к зимней Олимпиаде, которая должна была состояться через год. На этот раз она надеялась взять «золото».

Напоследок потянувшись в теплой уютной постели, Лили встала и пошла в душ. По пути она взглянула в окно – по сравнению со вчерашним днем снега прибавилось на полметра – и усмехнулась при мысли о предстоящем утре. Снегопад, пожалуй, слегка скажется на скорости, но Джейсон всегда гонял ее в хвост и в гриву, и это ей в нем нравилось. Она любила кататься с ним, он был круче денверского тренера, который с двенадцати лет готовил ее к Олимпиаде.

Заняться горными лыжами было идеей отца, а когда у нее стало получаться, именно он подал мысль о скоростном спуске. В ее возрасте он любил кататься на лыжах, учился в основном самостоятельно, причем страстно и катался на любых лыжах без разбора. Уроженец шахтерского городка в Пенсильвании, он сколотил состояние на биржевых спекуляциях, когда ему было немногим больше двадцати, а затем инвестировал в рискованные сделки, которые окупились колоссальной прибылью. В дальнейшем его инвестиции стали более осмотрительными, финансовое положение – надежным, и унаследовать его капитал предстояло Лили. Она об этом никогда не думала, хотя знала, что ей повезло в жизни. Отец всегда во главу угла ставил дисциплину и трудолюбие, и Лили пошла вся в него. Она училась в старшем классе и отлично успевала, была талантливой спортсменкой и надеялась поступить в Университет Лиги плюща. А пока она изо дня в день изнуряла себя подготовкой к Олимпийским играм. Ее мама умерла, когда ей было три, и с тех пор она была отрадой отца и объектом его неустанных забот. Он жил ради нее, и Лили его обожала.

Билл Томас учился в государственном колледже Пенсильвании. Его отец был шахтером и умер, когда Билл был подростком. О крайней бедности он знал не понаслышке, и единственное, чего хотел в молодости, так это обеспечить хорошую жизнь своей семье, которой надеялся однажды обзавестись. Учеба в Гарвардской школе бизнеса изменила его жизнь. Полученное там образование вкупе с природным деловым чутьем он использовал для достижения всего того, о чем мечтал в детстве. Мать умерла прежде, чем он окончил университет, брат в девятнадцать лет погиб в аварии на шахте. Одному Биллу удалось вырваться в лучшую жизнь, и он никогда не забывал, откуда родом и чего добился. Он был прирожденным бизнесменом и, к пятидесяти двум годам осуществив свои мечты, сейчас работал дома – управлял инвестициями и старался как можно больше времени проводить с Лили. На протяжении четырнадцати лет он был для нее и отцом, и матерью, не переставая безмерно ею гордиться.

Лили приняла душ, оделась и несколько минут спустя вышла к завтраку в горнолыжных брюках, термобелье и с босыми ногами. Длинные темные волосы были еще влажными от душа – отец, который пил кофе, поднял на нее глаза и улыбнулся.

– А я думал, ты поваляешься. Погода дрянная.

При этих его словах снова послышались взрывы. Подъемники еще не работали, но Лили была уверена, что их скоро включат, по крайней мере, на какое-то время.

– Не хочу терять день, – сказала она, кладя коричневый сахар в овсянку, которую он заказал для нее через обслуживание номеров ближайшего отеля – оттуда в их домик, который они арендовали каждый год, доставляли еду и присылали горничную. – Я, папочка, люблю кататься с Джейсоном, – сказала она, в то время как он снял крышку, под которой на блюде лежали яичница-скрэмбл, бекон и тост из цельнозернового хлеба. – Я столько не съем. – Она скорчила физиономию.

Лили была худощавая, спортивного телосложения, с потрясающей фигурой и такая же красивая, как ее мама, – темноволосая, с васильковыми глазами и молочной кожей, а широкая улыбка досталась ей от отца. Билл, напротив, был светловолосый и выглядел моложе своих лет. Повторно он не женился и не имел такого желания, пока Лили жила дома. Последние два года он встречался с женщиной по имени Пенни, которая активно строила карьеру, никогда не была замужем и не имела детей. Она много разъезжала по делам своего пиар-агентства и совершенно не заморачивалась из-за того, что самой главной женщиной в жизни Билла была дочь, что именно ей он посвящал большую часть своего времени и слабо интересовался кем-либо еще. Между ним и Пенни существовала негласная договоренность, которая устраивала обоих. Когда выдавалось свободное время и оба находились в одном городе, они проводили вечер вместе, а в остальном каждый жил своей жизнью и не желал большего. И потому им всегда было друг с другом хорошо.

Пенни была рыжеволосой, симпатичной и полной решимости не покладая рук трудиться над совершенствованием собственного тела, которое она регулярно «корректировала» то в одном месте, то в другом. Биллу нравилось появляться с ней на людях. Она была моложе, но не настолько, чтобы рядом с ней он чувствовал себя глупо.

Пару раз они даже отдыхали вместе на курортах, которыми занималось ее агентство, что позволяло ей убить двух зайцев сразу. Он никогда не заговаривал с ней о будущем и не имел такого намерения, а она, как женщина независимая, судя по всему, не мечтала об этом ни с ним, ни с кем-либо другим. Ей было сорок два, Лили любила ее и знала, что Пенни можно не опасаться. Отец редко посвящал дочь в свою личную жизнь – семейное время, как сейчас, на отдыхе, они проводили вдвоем. Пока они находились в Скво, Пенни открывала новый курорт на Сен-Бартелеми – Билл никогда не приглашал ее составить им компанию в Скво-Вэлли. Ему нравилось проводить время с Лили – дома у нее была уйма дел: школа, друзья, спорт и внешкольные занятия. Он со страхом думал о том, что однажды она уедет в колледж, и уговаривал ее учиться в Денвере или неподалеку от него, хотя Лили твердо нацелилась на Лигу плюща на Восточном побережье и имела все шансы туда поступить.

– Ты точно хочешь сегодня кататься? – спросил он к тому моменту, когда она, поковыряв яичницу, принялась за полоску бекона.

– Гору, скорее всего, закроют рано. Хочу успеть сделать как можно больше заездов. – Она встала из-за стола и пошла одеваться.

– Если метель усилится, сразу возвращайся.

Он восхищался ее мастерством и самодисциплиной, но кататься в непогоду – это большой риск. Впрочем, она была разумной девочкой.

– Конечно, папочка. – Она обернулась к нему, сверкнув улыбкой. – Не переживай, все будет тип-топ. Джейсон знает эту гору как никто.

Именно поэтому, в частности, Билл нанял его много лет назад. Удовольствие Лили – это важно, но ее безопасность была для него превыше всего. Он уже лишился жены и боялся потерять дочь. Ее мать разогналась на ледяной дороге в Денвере и погибла в двадцать пять лет, оставив его вдовцом с трехлетней дочерью на руках. Он оберегал Лили точно хрустальную вазу.

Десять минут спустя она вернулась – в свитере поверх термобелья, лыжных брюках и высоких ботинках, держа в руках парку и шлем с символикой олимпийской сборной. Лыжи, ботинки и палки она каждый вечер оставляла в шкафчике на горнолыжной базе, и сейчас ей предстояло добраться туда на автобусе-шаттле, чтобы встретиться с Джейсоном. Она надела парку и застегнула молнию. Билл оторвался от компьютера, за которым он проверял состояние биржевого рынка, и поднял на нее глаза.

– Классно смотришься, – широко улыбнулся он. Парка и шлем с символикой олимпийской сборной выглядели статусно на любом склоне и выдавали в ней крутую лыжницу. Просто глядя на дочь, он ощущал гордость. – И возвращайся, если станет хуже, – напомнил он, когда она, наклонившись, поцеловала его в макушку на пути к выходу.

– Так точно, – весело отозвалась она, помахав с порога перчатками, и направилась кататься, пока гору не закрыли. Он был уверен, что это случится к середине дня, и она думала так же.

Билл поднялся и посмотрел в окно, как она села в шаттл, отправляющийся на базу. Она не видела его, и, глядя на нее, у него замерло сердце. Она была такой красивой, такой юной и так походила на мать, точно они были сестрами. Порой это разбивало его сердце. Невозможно поверить, но сейчас ей было бы тридцать девять. Для него она всегда останется молодой, немногим старше Лили, которой исполнилось семнадцать. Он пошел назад к компьютеру, надеясь, что дочь вернется рано. Снегопад, похоже, усилился, а это значит, что на вершине будет туман. В такую непогоду выходят только самые неустрашимые вроде Лили. Она была похожа на мать, но характером, целеустремленностью и стойкостью пошла в отца. Именно поэтому Билл не сомневался в том, что мастерство и упорные тренировки принесут ей «золото» на следующей Олимпиаде.

В шаттле по пути на базу Лили успела отправить ЭМС своему бойфренду Джереми и лучшей подруге Веронике. Они были с ней в одной команде и сейчас тренировались в Денвере. У нее просто не было времени заводить друзей вне олимпийской сборной, а с Вероникой она дружила с детского сада. Джереми тотчас прислал в ответ «Люблю тебя», а Вероника ничего не ответила – наверняка еще спала.

Джейсон ждал ее у шкафчиков, как и договаривались. На нем была куртка горнолыжной школы, на ней – экипировка с олимпийской символикой, и вместе они смотрелись крутыми профи, когда надевали ботинки и лыжи, ставили обувь в шкафчики и, взяв палки, направлялись к подъемнику. Из-за сильного снегопада оба надели маски. Показывая пропуски при выходе на канатную дорогу, Джейсон с усмешкой взглянул на нее и кивнул. Впереди них дождались своей очереди три человека – кресельный подъемник заработал всего несколько минут назад. Еще два лыжника, как увидела Лили, уже висели высоко в воздухе. Лезть на гору в такой день было умопомрачительной затеей, но она обожала кататься в снегопад – это был настоящий вызов, и Джейсон восхищался ее неудержимостью.

– В такую погоду из дома выходят либо безумцы, либо юнцы, – рассмеялся он, – либо юные безумцы. Думаю, гору открыли ненадолго.

Если подъемник функционировал, значит, опасности нет, в противном случае он бы не работал. Сегодня на гору поднимались только хардкорные катальщики, и они с Джейсоном были из их числа. Он был невероятным лыжником, и она тоже. В ее возрасте он побеждал на национальных чемпионатах и к тому же был великолепным наставником. У него она всегда училась чему-то новому, и это только дополняло все, что она осваивала под руководством денверского тренера, который был мастером муштры.

– Тогда выходит, что я безумна, – весело сказала Лили. – Папа тоже считает, что мы рехнулись.

Лили уселась на первое свободное кресло, а Джейсон занял следующее, прямо за ней, и тут снова послышался взрыв. Оказавшись высоко в воздухе, Лили посмотрела вниз на деревья и девственно чистый снег и ощутила привычное волнение. На склонах пока не было ни души, эта часть горы была закрыта, а они направлялись к вершине. Ветер хлестал ей в лицо, подъемник ровно гудел, а в остальном царила умиротворяющая тишина, и тут снова и как-то непривычно близко раздался взрыв. Точно они были совсем рядом с ним, ну не странно ли, и в этот самый момент, когда подъемник приближался к расщелине, она увидела, как на большой высоте просвистела длинная змея, взметнувшись подобно гигантской веревке высоко над их головами. Она проследила за ней взглядом и одновременно почувствовала, что стремительно падает. Устремляясь вниз, к снежной расщелине, она даже не успела понять, что это оборвался трос подъемника. Когда она рухнула на склон, все вокруг показалось белым, глаза у нее сами собой закрылись, она провалилась в беспамятство. Она не успела обернуться на Джейсона, когда они парили над землей среди деревьев, и не узнала, что он упал в расщелину и умер в тот же миг.

Глава 2

Билл все утро смотрел котировки акций индекса Доу Джонса, потом читал «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал», которые ему доставляли из отеля, обслуживающего домик. Время от времени он поглядывал в окно – снегопад усилился, гора уже не просматривалась из-за туманной пелены. Он так и не мог понять – работал ли подъемник, или же гору закрыли. Если еще нет, то в скором времени это непременно случится. Билл не сомневался в том, что с Джейсоном, который знал гору как свои пять пальцев, Лили была в безопасности, но надеялся, что она скоро вернется. Погода была очень паршивой.

Он нередко встречал ее на базе в обеденное время и сейчас решил отправиться туда. После нескольких спусков в условиях сильного снегопада она, безусловно, измотана. Даже в ее возрасте это тяжеленная нагрузка, требующая сил и концентрации. Он надеялся уговорить ее пообедать, а потом, возможно, поплавать в бассейне отеля или сходить на массаж, что и ему не помешало бы. Он достал куртку, надел шапку и ботинки, и тут вдалеке послышался вой сирены. Он бросил взгляд на часы – разве уже полдень? – но было только половина двенадцатого, а затем мимо окон пролетел вертолет, за ним еще один, и в голове мелькнула мысль, что кто-то потерялся в тумане на вершине горы или пострадал. От этого ему стало не по себе, но он был уверен, что это, конечно же, не Лили, потому что она была с Джейсоном.

Несколько минут спустя он выехал с парковки на арендованном «Кадиллаке Эскалейд», который идеально подходил для поездки из Сан-Франциско, и направился в сторону горнолыжной базы. Там он увидел несколько машин «Скорой помощи», полицейские автомобили и две пожарные машины, припаркованные как попало, а также горноспасательную команду, выезжающую на снегоходах с санями. Билл сразу забеспокоился, вылез из машины и поспешил к офицеру полиции узнать, что случилось. Подъемник не работал, так что гора, судя по всему, была закрыта. Мимо промчался вертолет, и тут до него дошло, какое количество спасательной техники здесь находилось. Для одного пострадавшего ее было слишком много.

– Несчастный случай на вершине? – спросил Билл у полицейского, глядя на встревоженные лица стоящих вокруг людей.

Полицейский указал на подъемник, и Билл увидел провисший трос, хотя сначала не понял, что к чему. Оператор беседовал с врачами «Скорой», тут же стояли, мрачно переговариваясь, горноспасатели.

– Трос порвался. Пока неизвестно, что произошло. Наверху работают спасатели. Сейчас спускают первых пострадавших. – При этих словах у Билла все внутри похолодело. Оставалось лишь молиться о том, чтобы Лили оказалась на вершине прежде, чем оборвался трос. – Погода ни к черту. На вершине сильный туман.

«Вертушки» растворились в нем и окончательно пропали из виду. Полицейский сказал Биллу отойти за периметр, огороженный сигнальной лентой, где было выделено место для ожидающих.

– Там моя дочь, – напряженным голосом проговорил Билл, между тем как ледяной снег и ветер хлестали его по лицу. Можно было лишь догадываться о том, что за кошмар был на вершине, и от вида пострадавших, лежащих на земле, становилось совсем не по себе.

– Она одна? – Голос полицейского звучал встревоженно. Тем временем все новые спасательные машины прибывали к базе.

– С инструктором из лыжной школы, Джейсоном Йи. – Полицейский уже видел эту фамилию в списке погибших, но ничего не сказал Биллу. – Ее зовут Лили Томас. На ней парка и шлем олимпийской сборной, – сказал Билл, пытаясь подавить слезы ужаса.

– Я свяжусь по радио со спасателями и «вертушками», – быстро ответил полицейский. – У нас сильные проблемы из-за тумана и деревьев. Видимость практически нулевая. Пока уда-

лось спустить только двух человек. Пройдите, пожалуйста, туда, сэр, – он снова указал на место за периметром, – как только появится информация, я дам вам знать.

Билл кивнул и направился к группе встревоженных людей, которых за время его разговора стало больше. Двое из них были родителями лыжных инструкторов, находившихся на горе. В основном здесь были горноспасатели, чуть ранее мимо промчались несколько снегоходов. Все свободные инструкторы были вызваны на подмогу для поисков пострадавших. Оператор подъемника не мог точно сказать, сколько лыжников поднялось в общей сложности, поскольку у большинства были однодневные пропуска. По его словам, подъемник на мгновение заклинило, а следом трос провис, и кресла посыпались вниз одно за другим. Кто-то слышал звук, похожий на громовой раскат и заглушивший динамитные взрывы, которые теперь прекратились. Единственное, что сейчас слышал Билл, – это рев прибывающих спасательных машин и крики людей.

Еще час спустя с горы спустили сани, которые со всех сторон поддерживали спасатели. Билл рванулся было к ним, но тотчас увидел, что там лежит совсем еще мальчик – на его лице застыло изумленное выражение. Его подняли на носилках в «Скорую помощь», кто-то сказал, что у него сломаны обе ноги, но он был жив. Его старшего брата спустили на санях, покрытых брезентом. Он был мертв. Его поднимали из расщелины на веревках. Младший упал на заснеженный обрыв прямо перед ней. Ситуация ухудшалась прямо на глазах – Билл наблюдал за происходящим, и в его груди нарастала паника. О Джейсоне и Лили никаких новостей не было. Он ждал, а по его щекам текли слезы, но он не замечал этого – снова и снова он подходил к полицейским и пожарным, напоминая о себе и о том, что у Лили была куртка и шлем олимпийской сборной, чтобы ее могли быстро опознать, когда найдут.

Спасатели на горе все время поддерживали радиосвязь с базой: предупреждали о том, что спускают пострадавших, и объясняли, в каком состоянии те находятся. Пока выживших было только трое, все с переохлаждением, а погибших – двое. Но Лили не было ни среди пострадавших, ни среди погибших. Лишь одному человеку удалось избежать травм – он упал на заснеженный склон с небольшой высоты и, хотя подвергся радиации и обморожению, но, говорят, обошелся без переломов. Теперь Биллу оставалось уповать на то, что Лили тоже повезет. Из головы не шел тот вечер, когда на пороге его дома возник полицейский с известием о том, что ее мать погибла. Она поехала на ужин с подругой и, когда ее машину повело на обледенелой дороге, врезалась в дерево и погибла на месте.

Затем появились еще одни сани в сопровождении горноспасателей, он увидел знакомую куртку и шлем, рванулся вперед, но люди, тянувшие сани, закричали на него, чтобы убирался с дороги. Он успел метнуться в сторону и увидел ее смертельно бледное лицо с закрытыми глазами. Она была накрыта брезентом и термоодеялом, рукав куртки был оторван, в руке торчал катетер. Билл тотчас подскочил к саням, когда врачи, перекликаясь, поднимали ее в машину. Она была без сознания. Билл прыгнул в «Скорую» следом, сказав, что ее отец, и никто ему не возражал. Двери тотчас захлопнулись, и машина понеслась на полной скорости, а врачи принялись снимать показатели.

Ее температура была близка к критической, и это, как объяснил врач, возможно, сохранило ей жизнь, несмотря на травмы. Пока они не могли оценить ее состояние, но, судя по положению тела в момент обнаружения – она лежала распростертой в снегу, точно тряпичная кукла, – у нее были повреждены спина и шея. Атмосфера в машине была напряженной – врачи, пытаясь согреть пострадавшую, клали на нее термоодеяла и электрогрелки. К счастью, она провела в снегу всего несколько часов – еще немного, и было бы поздно, но и сейчас опасность еще никоим образом не миновала. Давление оставалось пугающе низким – отец смотрел на дочь опустошенным взглядом и слегка касался ее руки. Она не шевелилась, врачи продолжали снимать показатели, машина, завывая сиреной, неслась вперед на полной скорости. Они

домчались до больницы за считанные минуты, на парковке их уже поджидала бригада. Лили была четвертой жертвой аварии на подъемнике.

Лили сразу повезли в травматологическое отделение, Билл бежал за каталкой. У входа ему преградила дорогу медсестра.

– Вам придется подождать в приемном покое, сэр, – твердо сказала она, а он яростно сверкнул глазами.

Никто не посмеет встать у него на пути, когда его дочь находится в таком состоянии. Она одной ногой в могиле. Когда медсестра остановила его, с Лили уже снимали одежду, а бригада врачей и медсестер приступала к осмотру.

– Там моя дочь, – с мрачным видом произнес Билл, пытаясь обойти преграду. – Вам придется применить силу, – без обиняков добавил он.

– За этим дело не станет, – так же решительно ответила медсестра. – Вам туда нельзя.

– Как бы не так, – сказал он, прорываясь в отделение травматологии.

Лили, уже раздетая, опутанная со всех сторон датчиками и накрытая электроодеялами, лежала в первой смотровой.

– Как она? – хрипло спросил он у ближайшего врача, который был слишком занят и бросил выразительный взгляд на ординатора, чтобы Билла вывели вон. Врачи спасали ей жизнь. Она была молода и сильна, и они надеялись, что шансы есть, но ничего обещать не могли, потому что еще не оценили тяжесть повреждений. Они занимались гипотермией и кровяным давлением. Она едва дышала, ей собирались интубировать трахею. И Биллу здесь было не место.

– Уходите отсюда, – сухо сказал один из врачей, а ординатор взял его за руку и решительно вывел из смотровой. На этот раз Билл не сопротивлялся, ему хватило того, что он увидел. Лили и не догадывалась, что он здесь, – все это время она находилась без сознания.

Ординатор проводил его в ближайший приемный покой, где Билл опустился на стул, сам бледный как смерть.

– Вы в порядке? – спокойно поинтересовался ординатор, и Билл кивнул, хотя это было не так. Он был в ужасе от мысли, что Лили умрет, как ее мать. В смотровой ему показалось, что жизнь едва теплится в ней. – Мы сделаем для нее все возможное, – заверил ординатор, и Билл уставился на него паническим взглядом.

– Что с ней? Что сломано? – с дрожью в голосе спросил он.

– Мы пока не знаем. Сейчас проводим осмотр.

– Голова цела? – шепотом выдохнул Билл.

– По словам спасателей, в момент обнаружения на ней был шлем. Нас больше беспокоят ее шея и позвоночник. – Билл молча кивнул и закрыл лицо руками, а ординатор уселся на стул напротив. – Нам нужны ее данные. Сколько ей лет?

– Только что исполнилось семнадцать.

– Аллергические реакции?

– Нет.

– Проблемы со здоровьем? Сердце? Легкие? Хирургические вмешательства?

– Ничего такого. Она здорова... или была... – проговорил он, и его глаза наполнились слезами.

– Она принимала лекарства, о которых нам следует знать?

Билл отчаянно помотал головой.

– Когда выяснится, какие у нее повреждения? С какой высоты она упала?

– Ее кресло находилось высоко. Она чудом не упала в расщелину. Ее инструктору повезло меньше, – мрачно сказал молодой врач.

– Джейсон погиб?

Билл испытал потрясение от этой новости.

– Сначала нашли его, а затем вашу дочь. Она лежала глубоко в снегу. Единственный положительный момент состоит в том, что такая низкая температура тела воспрепятствовала развитию отека. Это может сыграть нам на руку. А теперь мне надо возвращаться, – тихо сказал ординатор. – Мы ждем на осмотр хирурга-ортопеда и, если понадобится, вызовем нейрохирурга.

– Кто эти люди? – снова запаниковал Билл. – Я не допущу, чтобы ее оперировал кто попало, – с внезапной яростью прорычал он, словно лев, защищающий своего детеныша. – Я хочу знать, кто эти люди. Мы можем вызвать специалистов?

– В этом нет необходимости. У нас тут прекрасные врачи, самые лучшие.

Он выглядел уязвленным, но Биллу было наплевать. У Лили должны быть лучшие из лучших. Если нужна операция, он не подпустит к ней местных коновалов. Да, эта оборудованная по последнему слову техники больница в Тахо-Сити специализируется в области травматологии и ортопедии, но это не означает, что он может доверить им своего ребенка.

– У нас может не быть времени, чтобы пригласить кого-то еще. Ее необходимо стабилизировать, сделать рентгенографию и томографию, а также взять анализы. Сейчас именно это и делается. Как только что-то прояснится, заведующий отделением травматологии побеседует с вами.

Ординатор поднялся, стараясь не выдавать своего волнения. Скажи он что-то не так или если его дочь не спасут, Билл, пожалуй, придушит его. Ординатор понятия не имел о том, смогут ли спасти Лили – ее вид не внушал особого оптимизма. Спасатели и врачи «Скорой помощи» поначалу решили, что она погибла, и очень удивились, когда прощупался пульс.

Затем он ушел, а Билл два часа сходил с ума. Он подумал было позвонить Пенни, но на самом деле говорить с ней ему не хотелось. Они неплохо проводили время вместе, но даже после двух лет знакомства не были настолько близки. Он не знал, кому звонить, и давно не чувствовал себя таким одиноким – в последний раз это случилось четырнадцать лет назад, в тот вечер, когда погибла мать Лили. Но с ней он такого не допустит.

Он снова был готов прорываться в смотровую, когда появился главный травматолог. Биллу он показался студентом. Сопровождавший его высокий темноволосый мужчина был в халате, на кармане которого вышитыми буквами значилось «Бен Штайнберг, доктор медицинских наук». Он выглядел немногим старше своего коллеги – ему было под сорок или чуть больше – и оказался хирургом-ортопедом, о чем он сразу сказал Биллу.

– Как моя дочка? – убитым голосом спросил Билл.

– Мы стараемся ее стабилизировать. Прежде чем предпринимать какое-либо вмешательство, ей нужно поднять температуру. Мы определяем тяжесть ее повреждений. Она по-прежнему без сознания, что отчасти связано с гипотермией. Она провела в снегу несколько часов, – пояснил он. – Степень внутренних повреждений пока нам неизвестна. У нее сломана рука и травмирован позвоночник, но какие осложнения с этим связаны, мы тоже пока не знаем. Проведена обзорная рентгенография и МРТ тела, но их данные не окончательные. Моя коллега – нейрохирург, и я хотел бы, чтобы она осмотрела вашу дочь.

– На какой предмет? И что за травма позвоночника? Она парализована?

Говоря это, Билл напоминал загнанного в угол быка, и Бен Штайнберг понял, что с ним надо держать ухо востро. Ординатор предупреждал его об этом, и сейчас он сам убедился в том, как сильно Билл переживает за дочь. Казалось, еще чуть-чуть, и он слетит с катушек. Он просто не мог слышать о том, что с ней произошло.

– Пока мы ничего не знаем, именно поэтому я хотел бы показать ее нейрохирургу. Моя коллега – один из лучших специалистов в своей области. Я позвонил ей несколько минут назад, и она уже в пути. Нам в любом случае еще нужно немного времени, чтобы стабилизировать Лили. Чтобы она могла перенести операцию, необходимо поднять температуру тела и давление.

– Я не давал согласия на операцию, – возразил Билл. – И я задал вопрос, не парализована ли она.

Он сверкнул глазами на Бена.

– Пока она находится без сознания, об этом сложно судить, но, судя по всему, двигательная активность ног у нее частично ограничена. Нам необходимо определить тяжесть повреждений, прежде чем мы сможем дать вам обстоятельный ответ. Пока мы просто не знаем степень ее повреждений.

– И когда ждать этого нейрохирурга и почему, черт побери, ее до сих пор здесь нет?!

Его раздражали их ответы, но главным образом, что тянут с помощью Лили.

– Она придет через пятнадцать-двадцать минут. Я только что звонил ей, – спокойно сказал доктор Штайнберг.

Он понимал, что отец переживает за дочь, и старался его успокоить, но сейчас Билла могли обнадежить только слова о том, что Лили вне опасности, а этого не мог сказать никто, даже нейрохирург. Она серьезно пострадала и выживет ли после этого несчастного случая – это был вопрос открытый.

– Можно мне ее увидеть? – В глазах Билла читалась боль, и ортопед кивнул. Не стоило отцу видеть дочь в таком состоянии, но отказать он не посмел. Возможно, тогда он поймет, насколько все хрупко. Ее жизнь висела на волоске.

Билл молча проследовал в отделение травматологии. Лили перевезли в интенсивную терапию, где возле нее находились две медсестры и врач – они снимали витальные показания и делали неврологический осмотр до приезда хирурга. Лили по-прежнему была укрыта электроодеялами, ее длинные темные волосы были убраны под шапочку, лицо выглядело прозрачно-бледным. Во рту у нее торчала дыхательная трубка, зафиксированная пластырем, – аппарат помогал ей дышать. В обе руки были поставлены капельницы, мониторы, соединенные с датчиками на теле, регистрировали необходимую информацию и подавали звуковой сигнал в случае остановки сердца или прекращения дыхания.

Как только Билл ее увидел, его потрясение стало еще сильнее. К ней было просто не подступиться: ни подержать за руку, ни поцеловать, он мог лишь смотреть и осторожно коснуться пальцем ее уцелевшего предплечья. Другая рука была загипсована, а на той стороне лица, которой она упала, уже проступал жуткий кровоподтек. Билл стоял и тихо плакал, а несколько минут спустя медсестра вывела его из помещения. Там все на него натыкались, и, как бы ни хотелось ему быть рядом с дочерью, мешать врачам все же не стоило. Он окончательно понял, что ситуация была критической, – в приемном покое он снова опустился на кушетку, а медсестра предложила ему кофе и перекусить. Он помотал головой и, откинувшись на спинку, закрыл глаза. Теперь, когда он увидел ее, ему почти не верилось, что она выживет. И впервые за четырнадцать лет он стал молиться.

Глава 3

Джесси Мэттьюз весь день сбивалась с ног. По выходным всегда было так, что неизбежно с четырьмя детьми, и ей это нравилось. Ее старшему, Крису, уже исполнилось восемнадцать, ему пора бы было повзрослеть – у него были права и машина, но он по-прежнему нуждался в помощи по любому поводу. Он обращался к родителям по мелочам и важным вопросам, просил помочь с рефератами и школьными проектами, опустошал холодильник и забывал мыть посуду. Джесси стирала ему белье, а он спрашивал у нее совета о том, как строить отношения с девушками. Еще он любил играть в баскетбол с отцом, когда у того находилось время. Его родители были занятыми людьми. Мама была нейрохирургом, а отец, Тим, – анестезиологом. Обычно они работали в разные смены, за исключением экстренных ситуаций, которые случались часто, и тогда они вместе отсутствовали, а за младшими присматривал Крис и отвозил их куда требуется. Осенью он собирался в колледж и надеялся поступить либо в Университет Колорадо в Боулдере либо в Денверский университет из-за действующих там лыжных команд. Он буквально считал дни до отъезда. И его одиннадцатилетний братишка Адам тоже считал дни до его отъезда – складывалось ощущение, что эти двое начали ругаться с самого рождения Адама, хотя у них было семь лет разницы.

Хизер было пятнадцать, и она училась в той же школе, что и Крис, только на два класса младше. Они неплохо ладили, за исключением тех случаев, когда он, по ее словам, вел себя как полный придурок или отказывался везти ее куда-нибудь, ссылаясь на свидание. Впрочем, когда она перешла в старшую школу, их отношения улучшились – к большой радости родителей.

А шестилетний Джимми, появившийся на свет через пять лет после Адама, был всеобщим любимцем. Джесси его «проморгала», и сейчас они с Тимом были бесконечно этому рады. Более ласкового малыша и представить было невозможно, он у всех вызывал улыбку. Он любил всю свою семью. Он разряжал обстановку и умилял, и Тим, только взглянув на него, тотчас простил Джесси за то, что в их финансово напряженной жизни нежданно-негаданно появился четвертый ребенок. Джимми подкупал своим обаянием, все его обожали. Вся его жизнь проходила под знаком безусловной любви. Покупатели в супермаркете сразу проникались к нему симпатией, он везде заводил друзей. Джимми улыбались даже бездомные на улице, когда он здоровался с ними и спрашивал, как жизнь.

Когда Джесси вернулась с покупками, Тим только что проснулся. Она уже успела повернуть в свой выходной уйму дел: Хизер отвезла на желанный шопинг, а Адама – на ненавистную стрижку, отчего тот пришел в ярость. Теперь ей предстояло дважды загрузить стиральную машину, а еще она обещала приготовить ужин. Они с Джимми разбирали покупки на кухне, когда там появился зевающий Тим в пижаме. Он работал всю ночь, у него впритык были четыре операции, и домой он попал только в десять утра. Он поставил кофе и помог положить продукты в холодильник.

– Я смотрю, ты вся в делах.

Он улыбнулся ей поверх головы Джимми. Все эти годы при виде его улыбки у нее радостно билось сердце. Они поженились в медицинском колледже, когда им было по двадцать четыре. И сейчас, девятнадцать лет спустя, родив четверых детей, они по-прежнему любили друг друга, и это было видно. Адам выпучивал глаза и корчил физиономию, когда они целовались, а Крис и Хизер выглядели явно смущенными. Джимми находил это забавным и на уроке «покажи и расскажи» продемонстрировал фотографию целующихся родителей, которую, судя по всему, сделал тайком от Джесси. Фотография была вполне невинной, и весь класс сошелся на том, что это забавно. Тим и Джесси знали, что сохранить такую любовь по прошествии почти двадцати лет редко кому удается, но их дети считали это нормальным.

– Прости, что не помог сегодня, – извинился Тим, когда Джесси убрала пустые сумки, а Джимми отправился наверх. – Я совершенно отрубился.

– Все в порядке, у тебя выдалась тяжелая ночь.

Она видела, что он был на пределе усталости.

– Да уж, пришлось попотеть, – признался он, наливая себе кофе и усаживаясь за кухонный стол. – Тяжелый множественный перелом, старушка восьмидесяти семи лет с переломом шейки бедра, перфоративный аппендицит и роженица с двойней на тридцать второй неделе. Одного мы чуть не потеряли, но неонатологи совершили чудо и спасли его. Затем у мамочки открылось кровотечение, которое чуть не закончилось летальным исходом, но и ее тоже удалось спасти. А анестезиологов-то было всего двое – двое в отпуске, трое болеют, так что пришлось обходиться собственными силами. Сумасшедшая выдалась ночь.

Такое у него случалось сплошь и рядом, но она знала, что он любит свою работу.

– У меня, похоже, телефон не работает. Весь день – ни одного экстренного звонка. Просто удивительно.

Она улыбнулась ему и наклонилась поцеловать, а он обнял ее за талию. Фигура у нее даже после рождения четверых детей осталась такой же стройной, как в день их знакомства. Длинные светлые волосы она обычно заплетала в косу, у нее были большие голубые глаза и россыпь веснушек, которые делали ее похожей на девчонку.

– Какие планы на сегодня? Может, десантируем батальон по друзьям и знакомым и устроим себе романтический вечер, не омраченный потасовками Криса с Адамом и нытьем Хизер? – с надеждой спросил он, а она рассмеялась.

– Не получится. Хизер идет в кино с подругами, и я сказала, что подброшу ее. У Криса, по-моему, свидание. Адам останется ночевать у Паркеров, и его придется отвезти к ним. А Джимми был обещан боулинг. Если хочешь, пойдем с нами. Он ждет целую неделю, у меня духу не хватит отложить еще раз.

– Классно, – уныло улыбнулся он. – А я-то надеялся, что у нас будет боулинг на двоих.

Он усадил ее к себе на колени, намереваясь поцеловать, и тут у нее зазвонил телефон.

– Доктор Мэттьюз, – сказала она, отстраняясь от Тима.

Голос звучал официально, но она улыбалась мужу и видела на дисплее BlackBerry, что это звонил Бен. Последние десять лет, с тех пор как после рождения Адама Тим убедил ее переехать в Тахо, они трудились бок о бок. Прежде они жили в Пало-Альто, она недавно начала работать в Медицинском центре Стэнфордского университета, и уезжать оттуда ей было очень тяжело. Но она принесла эту жертву ради Тима и детей, хотя знала, что в Скво-Вэлли у нее не будет таких возможностей для профессионального роста, как в академической клинике типа Стэнфорда. Но здешняя жизнь ей пришлась по душе – Тим был счастлив, и детям тут было хорошо. И даже работа оказалась интересной. Она специализировалась на позвоночно-спинальных травмах и каждый год сталкивалась со сложными случаями. Они с Тимом окончили Гарвардскую медицинскую школу, а затем ординатуру в Стэнфорде. Жизнь на природе у озера Тахо была им обоим по душе. Тим всегда любил бывать на свежем воздухе, Джесси слегка скучала по городу, но в выходные они время от времени навещали Сан-Франциско.

Тим видел, что жена хмурится, слушая Бена, а потом ее взгляд стал удивленным.

– Я слышала сирены, но подумала, что произошла дорожная авария из-за непогоды. Я была занята весь день и еще не включала радио.

Она продолжала слушать, потом задала несколько вопросов. Тим понял, что речь идет о травме позвоночника и что в боулинг они с младшим сыном, судя по всему, пойдут вдвоем. Джесси закончила разговор, пообещав приехать как можно скорее, и вид у нее был очень озабоченный. Она поднялась и посмотрела на мужа потрясенным взглядом.

– На подъемнике оборвался трос. Ума не приложу, как я пропустила эту новость. Несколько погибших, много пострадавших. У Бена в смотровой семнадцатилетняя девочка с

гипотермией и спинальной травмой. Он просит, чтобы я приехала, – извиняющимся тоном произнесла она.

– Понятно. – Тим встал и поцеловал ее.

– Отвезешь Джимми в боулинг? Он ждет. Еще я обещала вечером сделать тако. Если нет настроения готовить, я купила кучу замороженной пиццы. Мне действительно жаль. Возможно, мне тоже предстоит бессонная ночь.

– Я справлюсь. Думаешь, придется оперировать?

– Похоже на то. Бен говорит, ее сейчас стабилизируют и все еще осматривают. Если удастся стабилизировать, будем оперировать. Если нет, придется ждать до завтра. Перспективы не ахти. Она упала с подъемника с большой высоты. Инструктор, с которым она была, погиб.

– Меня, пожалуй, тоже вызовут, – сказал Тим, глядя на свой телефон, но сообщений не поступало, и он предположил, что на дежурство заступил кто-то из коллег.

– Надеюсь, что нет. Если тебе позвонят, Крису придется отвезти Хизер и Адама и вызвать няню для Джимми. Тогда его свидание расстроится, и он будет злой как черт.

– Постараюсь не испортить ему вечер, – сказал Тим, когда Джесси пошла наверх переодеться.

Она была в рваных джинсах и старом свитере, а в голосе Бена слышалась тревога, когда он просил ее приехать как можно быстрее. Через пять минут она спустилась – переплела волосы, надела свитер с высоким воротом, черные джинсы и ботинки и сняла с вешалки в прихожей тяжелую парку. Теперь она выглядела чуть солиднее, чем в старом свитере и рваных джинсах, но все равно слишком молодо для своих сорока трех лет.

– Я позвоню, как только определюсь, что к чему и затянется ли это на всю ночь.

На пути к выходу она поцеловала мужа и несколько минут спустя уже ехала на его джипе в направлении больницы, оставив свой минивэн Тиму, потому что ему предстояло развозить детей. На дорогах была наледь, поэтому она старалась ехать осторожно, думая о пациентке, про которую говорил Бен, и о людях, пострадавших в аварии на подъемнике. На горнолыжных курортах подобное случается, как это ни прискорбно. При одной мысли об этом и о собственных детях она содрогнулась. А вдруг кто-нибудь из них оказался бы сегодня на подъемнике? Машина пошла в занос, и она принялась ее стабилизировать, отбросив эту мысль. Она умела ездить по снегу и льду, и несколько минут спустя въехала на стоянку, припарковала джип и вошла в больницу. Там Джесси направилась к своему шкафчику и надела поверх одежды белый халат, на кармашке которого была вышита ее фамилия. Через пять минут была в отделении травматологии, где принялась осматривать Лили, одновременно слушая объяснения Бена. Лили стабилизировали, но она по-прежнему не приходила в сознание, и Джесс склонялась в пользу его диагноза. Он подозревал повреждение на уровне десятого позвонка грудного отдела, и если так, то это означало, что Лили никогда не сможет ходить. Джесси хотела оперировать немедленно, чтобы сделать все возможное.

Они с Беном вместе пришли в приемный покой, чтобы поговорить с Биллом. Он сидел на кушетке, откинув голову на подушку и вытянув ноги. Он выглядел измученным и чувствовал себя не лучше. Как только они вошли, он сразу открыл глаза – Джесси серьезно посмотрела на него и назвала себя, а Бен сказал, что она и есть тот самый нейрохирург, которого они ждали. Увидев перед собой молодую женщину, Билл был явно раздосадован.

– А кого-нибудь постарше у вас не найдется? – без обиняков заявил он, и Джесси даже опешила. Ничего подобно ей слышать не приходилось. Но она видела, как он переживает за дочь, и отнеслась к его словам с пониманием.

– Мы – специалисты высшей квалификации, – мягко сказала она, указывая на Бена, – и работаем в этой больнице десять лет.

– А раньше где работали? – продолжал допрашивать он, буровя ее взглядом.

– В Медицинском центре Стэнфордского университета, где я училась в ординатуре.

Бен выглядел уязвленным, но Джесси держалась невозмутимо. Ее старшие дети были одного возраста с Лили, а Бен жил холостяком.

– А какую медицинскую школу окончили? – Билл смотрел на нее агрессивно, с вызовом, и Джесси видела, что Бена покорило от этого вопроса.

– Гарвардскую, – спокойно сказала она, и тут Бен не выдержал:

– Что за нелепый допрос! Доктор Мэттьюз – один из самых уважаемых нейрохирургов штата. К ней приезжают на консультации по спинальным травмам. А я, если вам угодно, окончил Медицинскую школу Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и ординатуру в Сан-Франциско.

Он кипел от возмущения из-за того, что их компетенцию ставили под сомнение, но Джесси не осуждала отца. Если бы речь шла об операции ее детей, она задала бы те же вопросы.

– У меня сын почти такого же возраста, как Лили. Я понимаю ваши чувства, – с состраданием сказала она, но Билла это не убедило. Он был слишком испуган, чтобы соблюдать приличия и разводить церемонии.

– Откуда мне знать, что вам можно доверять? – заявил он, но Джесси не дрогнула.

– Вам придется мне довериться. Вариантов у нас немного. Я хочу прооперировать Лили сейчас, мистер Томас. Если хотите удостовериться в нашей компетентности и ждать до утра, я вас пойму, но для Лили лучше, чтобы операция была сделана как можно скорее. Отек может увеличиться, а это еще сильнее скажется на ее двигательной активности.

– То есть? – Он смотрел на нее, сузив глаза, и его взгляд не выражал ничего хорошего.

– Реальные масштабы поражения нам неизвестны. У нее спинальная травма, но томография и рентгенография, в частности, не дают всей необходимой информации о повреждениях спинного мозга. Если травма полная, девочка больше не сможет ходить. – Она знала, что с ним нужно быть честной. Казалось, он вот-вот рухнет замертво. – Если частичная, тогда у нас есть шанс. Я надеюсь, что второе, но пойму это лишь по ходу операции. Но если вы предпочитаете ждать до утра, тогда ладно. Я бы ждать не стала, но пусть будет по-вашему.

Она переложила всю полноту ответственности на его плечи.

– А если вы будете действовать наобум, искалечите ее и она останется на всю жизнь парализованной, что тогда? – яростно воскликнул он.

Но то была ярость на судьбу, которая это допустила, прежде предала его и сейчас отнимала Лили. У него на глазах закипали слезы, и поэтому Джесси простила его за резкость. А Бен – нет, ему сильно хотелось схватить Билла за шиворот и хорошенько встряхнуть, но он сдержался.

– Давайте считать, что я действую не наобум, – произнесла она ровным голосом.

– Операция опасна для ее жизни?

– Тут без вариантов, – просто объяснила она. – Единственный вопрос – когда ее делать.

И это решать вам, мистер Томас.

Он кивнул и с мучительным выражением в глазах провел рукой себе по волосам.

– Если вы убьете ее, клянусь, я убью вас, – проговорил он, и, судя по всему, это была не пустая угроза.

Бен хотел вмешаться, но Джесси остановила его резонирующим взглядом.

– Понимаю ваши чувства, – твердо сказала она. Ее голос звучал успокаивающе, но на Билла это не подействовало. Он обезумел от страха за дочь. – Вы тут подумайте, а я буду рядом. Я никуда не уйду.

Они с Биллом вышли из приемного покоя, проверили Лили, состояние которой оставалось стабильно тяжелым, а потом пошли в кафетерий выпить кофе. Джесси предвидела очень долгую ночь. Ей хотелось позвонить Тиму и узнать, как дела, но перед этим нужно было определиться со своими планами.

– Почему ты позволила этой ослиной заднице обращаться с тобой подобным образом? – негодуя осведомился Бен, протягивая ей стаканчик кофе. Он был на взводе.

– Он отец, Бен. Судя по истории болезни, она – его единственный ребенок. Он потерял жену и сейчас в ужасе от мысли, что может лишиться дочери или что она останется парализованной. Чтобы понять это, вероятно, нужно самому иметь детей.

Она сделала глоток обжигающего кофе, и они сошлись во мнении, что большей гадости просто не бывает, но тем не менее допили его как всегда.

– Он угрожал убить тебя! – возмутился Бен, брызжа слюной. – Разговаривал с тобой так, точно ты – вчерашняя студентка. – И тут он рассмеялся. – А ты, пожалуй, сбила с него спесь, сказав, что окончила Гарвард. А чего он ожидал? Что ты раздобыла диплом в Интернете?

– Он в отчаянии, – сказала она, когда они допили кофе и отправились наверх. Билл ждал их возле палаты Лили в отделении интенсивной терапии. Все было без перемен, и Джесси знала, что при отказе от операции ждать их не стоило. Для Лили это была единственная надежда.

– Ладно, я согласен, – прорычал ей Билл. – Опирируйте мою дочку, но клянусь, если...

На этот раз он не договорил, и Джесси кивнула.

– Сейчас я оформлю бумаги.

– Когда будет операция? – нервно спросил он. Он бы с радостью пожертвовал ради Лили собственной жизнью – сейчас или когда потребуется.

Джесси уже выяснила, какая операционная свободна, и сверилась с часами.

– Лили нужно подготовить. Думаю, через пару часов. Нам с доктором Штайнбергом нужно еще раз посмотреть данные томографии, рентгенографии и анализов. – Она взглянула на Бена, и тот кивнул.

– И сколько она продлится?

– Трудно сказать. Часов восемь, возможно, дольше. До двенадцати часов. Все зависит от того, что выяснится по ходу дела. Операция сложная.

Биллу очень не нравилось, что приходится иметь дело с незнакомым врачом и нет времени навести о ней справки. Но Бен был прав – Гарвард и Стэнфорд произвели на него впечатление. Он надеялся, что принял правильное решение. Тянуть с операцией было рискованно, особенно если это было чревато дополнительными осложнениями. Он доверял жизнь Лили этой женщине.

– Мы сделаем все возможное, – снова сказала она.

– Спасибо.

Это было единственное, что он произнес дрогнувшим голосом, и пошел назад в приемный покой, между тем как Джесси с Беном отправились смотреть рентгенограмму, а медсестра принялась готовить бумаги. Несколько минут спустя она принесла их Биллу, и он подписал, а по щекам у него текли слезы. Потом медсестра, не говоря ни слова, забрала у него планшет с бумагами.

Совещаясь с Беном, Джесси отправила СМС Тиму. «Пациентка крайне тяжелая. Отец на нервах. Операция через час. До завтра. Люблю, Дж.».

Через минуту пришел ответ.

«Удачи. Люблю тебя, Т.».

Улыбнувшись, она сунула телефон в карман, надеясь, что Тим отвез Джимми в боулинг, но ответное сообщение писать не стала. Перед операцией им с Беном предстояло обсудить уйму вопросов. Он должен был ей ассистировать, и они принялись разрабатывать план оперативного вмешательства, а травматологическая бригада начала готовить Лили.

Билл сидел в приемном покое с ощущением, точно попал в кошмар наяву. Перед тем как Лили повезли в операционную, он зашел взглянуть на нее, наклонился и поцеловал в лоб – его слезы упали ей на лицо. Джесси уже ожидала ее наверху. Когда Лили увезли, Билл вышел

на несколько минут подышать свежим воздухом. Он стоял на парковке и рыдал в ночи. Было ужасно холодно, слезы обжигали ему глаза и щеки. Возвращаясь назад в больницу, он едва не поскользнулся на наледи. Это была худшая ночь в его жизни. В приемном покое он лег на кушетку и закрыл глаза. Он не мог уснуть, все его мысли были заняты дочерью. Он надеялся, что нейрохирург знает свое дело и поможет ей. Так он пролежал всю ночь, страстно желая, чтобы дочь выжила и снова могла ходить.

Глава 4

Адам, Хизер и Джимми были дома к ужину, когда Крис отправился на свидание. Он заглянул на кухню попрощаться с отцом, который доставал из духовки две пиццы. Одна из них слегка подгорела, и дети, жалуясь и причитая, отправились наверх дожидаться готовности всего ужина, а Тим поставил пиццы назад в духовку, чтобы не остыли, и убавил огонь.

– Не вешай нос, папа, – поддел его Крис, и Тим посмотрел на него с печальной ухмылкой.

– Скажешь тоже, – уныло произнес он. – Надо было заказать доставку. – Затем его взгляд стал серьезным. – Поезжай осторожно, сегодня чертовски холодно. На дорогах гололедица.

Все машины были «переобуты» в зимнюю резину, но ему ужасно не нравилось, когда сын садился за руль в плохую погоду, а к вечеру температура резко упала. Снег, выпавший днем, покрылся ледяной коркой, но Криса это не пугало.

– Мама Бекки готовит ужин, мы останемся у них и посмотрим фильм.

Тим знал, что девушка сына жила неподалеку, и это обнадеживало, но все равно эти несколько километров до ее дома надо было проехать.

– Просто будь осторожен, – предостерег Тим и принялся проверять пасту, а Крис ушел.

Тим слышал, как хлопнула входная дверь, и начал накрывать на стол. Он сделал салат, и через пять минут ребятня кубарем скатилась по лестнице на его зов и расселась по местам за кухонным столом. Джимми при виде пиццы и пасты был явно разочарован.

– Мама сказала, что сделает тако, – проговорил он, беря кусок пиццы, в то время как Адам захватил себе почти половину и навалил на тарелку гору пасты.

– Ей пришлось уехать на работу, – объяснил Тим, передавая еду по кругу.

Они съели все, и Тим сказал, что отвезет Хизер и Адама, как только они уберут на кухне.

– А мы поедem в боулинг, – обратился он к Джимми, который радостно улыбнулся отцу.

Малыш вышел из-за стола с довольным видом, и все отправились наверх переодеваться. В этот момент Тим получил сообщение Джесси и отправил в ответ свое. Он знал, что ей предстоит долгая ночь, и надеялся, что она не слишком устанет. Она даже не успела поужинать, но такова уж была их жизнь. Кто-то вечно мчался на работу по срочному вызову. И взрослые, и дети к этому привыкли. Они росли в режиме «эстафетного родительства».

Двадцать минут спустя Тим высадил Адама у дома его друга. Он был приглашен с ночевкой, поэтому забирать его не требовалось, да и Хизер решила остаться на ночь у подруги, так что этим вечером они с Джимми были предоставлены самим себе. Через полчаса после выезда из дома они были в боулинге, и, как только переобулись, Джимми попросил купить колу. Тим взял себе тоже и еще попкорн для двоих, и они начали играть. Тим показывал сыну разные приемы, они отлично провели время и ушли из боулинга в десять – к огромной радости Джимми, который обычно в это время уже спал. С папой всегда было так классно.

– Я хочу быть врачом, как ты, папочка, – неожиданно заявил Джимми, когда они шли назад к машине, и Тим ему улыбнулся.

– Это серьезное решение, – он усадил сына на заднее сиденье и пристегнул ремнем.

Пока они были в боулинге, стало еще холоднее, ботинки скользили, когда он огибал машину, идя к водителскому месту. Он снова с беспокойством подумал о Кресе, надеясь, что сын благополучно доберется до дома. Тиму ужасно не нравилось, что сын садится за руль, разъезжает по ночам, и Джесси тоже переживала из-за этого. Он улыбнулся Джимми в зеркало заднего вида, завел машину и медленно выехал с парковки. Он ехал осторожно, по пути болтая с сынишкой. Джимми задавал вопросы о медицинской школе, а Тим внимательно следил за дорогой.

– Давай сделаем рутбир¹, когда приедем домой, – предложил Джимми, и Тим снова улыбнулся ему в зеркало заднего вида.

Они подъехали к перекрестку на зеленый свет, Тим тронулся было вперед и почувствовал, как машину повело на наледи. Он принялся сосредоточенно выравнивать ее и не заметил автомобиль, который на большой скорости несся прямо на них. Пацан, сидевший за рулем, пошел юзом почти одновременно, ударил по тормозам, отчего машину развернуло еще сильнее. Потеряв контроль, он на полной скорости врезался в автомобиль Тима. Сидевший сзади Джимми наблюдал за происходящим раскрытыми от ужаса глазами. С жутким металлическим скрежетом их машину закрутило и отнесло к светофору, а другая машина врезалась в дерево. Все произошло за считанные минуты, и снова вокруг воцарилась ночная тишина. Тим сидел неподвижно, навалившись на панельную доску, Джимми не говорил ни слова. Подушка безопасности сработала, скрыв лицо отца, и Джимми видел только струйку крови, вытекающую из его уха.

Джимми не мог ни пошевелиться, ни издать звук, а потом он услышал вой сирен. Его достали из машины и усадили в патрульный автомобиль, потому что было слишком холодно. Один полицейский спросил, как он себя чувствует, а другой осмотрел их машину, а затем другую, врезавшуюся в дерево.

– Папа, кажется, ранен, – произнес Джимми тоненьким напуганным голоском, когда офицер присел на корточки возле машины, чтобы поговорить с ним.

Несколько минут спустя прибыла «Скорая», и его увезли в больницу на осмотр.

– В этой больнице работают мои родители, – объяснил Джимми. Он уже сообщил их фамилии и адрес. – Можно я подожду здесь папу? Он ранен, – обратился он к парамедику, утирая бегущие по щекам слезы.

– Мы его отпустим чуть позже, – объяснил врач. – Сначала нужно у него узнать, что произошло.

Джимми кивнул. У папы ранена голова, он ударился о дверцу, когда в них врезалась другая машина. Когда они отъезжали, мимо, завывая, пронеслась еще одна «Скорая». Обе машины были всмятку, водитель и пассажир другой машины погибли. И Тим Мэттьюз тоже. Но Джимми, которого привезли в больницу, думал, что папа скоро придет за ним, а мама уже тут, на работе. Он знал, что его заберут. Он был напуган и пережил потрясение, но не сомневался в том, что папа скоро придет и мама найдет их.

Джимми отнесли на носилках в кабинет неотложной помощи, где его осмотрел дежурный педиатр, а парамедики рассказали старшему ординатору, что случилось. Узнав от водителя, что Тим Мэттьюз погиб, он был потрясен. Он знал Тима и Джесси. Он ничего не сказал Джимми, когда пришел поговорить с ним, только пообещал позвонить его маме, чтобы забрала его. У Джимми было легкое сотрясение, а в остальном ему этим вечером повезло – гораздо больше, чем его отцу. Ординатор нашел телефон Джесси и позвонил ей на сотовый, но сработала голо-совая почта. Он не захотел оставлять сообщение, только назвал себя и номер своего мобильного с просьбой перезвонить немедленно. Но и к полуночи она не откликнулась, поэтому за неимением лучшего варианта было решено оставить Джимми в педиатрическом отделении.

– Папа скоро придет, – уверял Джимми. Ординатор не возражал, сказав, что разбудит его, когда мама или папа придут за ним. Медсестра отвела Джимми к педиатрам, ему помогли переодеться в пижаму с динозаврами и уложили в кровать. Засыпая, он по-прежнему ждал отца.

¹ Газированный алкогольный или безалкогольный напиток со сладковатым вкусом.

Глава 5

Операция продлилась дольше, чем предполагала Джесси, и прошла настолько хорошо, насколько было возможно, но новости были неутешительные. Спинальная травма оказалась на уровне десятого позвонка грудного отдела и была полной, иными словами, спиной мозг был разорван и поврежден непоправимо. Будь травма частичной, у Лили был бы шанс восстановить чувствительность и двигательную активность ног. Но падение произошло с очень большой высоты. Джесси зафиксировала все, что могла, но о том, что Лили после полной травмы снова будет ходить, речи не было.

Бен ассистировал Джесси, и в семь часов утра, проведя у стола одиннадцать часов, они вместе вышли из операционной. Ночь оказалась очень длинной, но теперь, по крайней мере, у Лили были хорошие шансы выжить, если, конечно, исключить послеоперационные осложнения. Пациентку перевели в реанимационную палату, где ей предстояло провести остаток дня, а оттуда она проследует в отделение интенсивной терапии и будет находиться там до тех пор, пока ее общее состояние не улучшится. Единственная утешительная новость для ее отца состояла в том, что верхний отдел позвоночника был не поврежден. Ноги девочки утратили подвижность, но остальные функции оставались в норме. Диафрагма и дыхание были не нарушены, в противном случае ситуация была бы гораздо более сложной и опасной для нее. Она будет способна в полном объеме пользоваться руками и в итоге вести нормальную жизнь, даже сидя в инвалидном кресле. Учитывая, с какой высоты она упала, все могло бы быть гораздо хуже или она могла бы вообще умереть. Джесси надеялась, что после нескольких месяцев в реабилитационном отделении пациентка сможет хорошо восстановиться. Но объяснять все это отцу девочки было преждевременно. Сейчас ему стоит знать лишь то, что операцию дочь пережила и благодаря возрасту и хорошей физической форме имеет отличные шансы на восстановление, что во время хирургического вмешательства ее сердце хорошо справилось с нагрузкой и впереди у нее долгая жизнь. Плохая новость состояла в том, что травма спинного мозга оказалась полной. Джесси предвидела, насколько тяжело ему будет это слышать. На его месте она чувствовала себя так же. И теперь ей предстояло сказать все это, глядя ему в глаза.

Когда они с Беном зашли в приемный покой, он дремал. Кто-то из медсестер принес ему одеяло и подушку. Свет был выключен, в помещении он был один. Стоило Джесси коснуться его плеча, сочувственно глядя на него, как он тотчас пошевелился. Она была на пределе усталости.

– Мистер Томас... – осторожно позвала она его, и он немедленно сел, с ужасом смотря на нее.

– Как она? – паническим голосом произнес он, не в силах понять выражение лица Джесси.

– Она очень хорошо перенесла операцию и сейчас находится в реабилитационной палате. Ее там подержат сегодня и понаблюдадут за ее состоянием. Если Лили хорошо выйдет из наркоза, трахеальную трубку уберут и она сможет дышать самостоятельно. Ее легкие не пострадали. Травма располагается ниже по позвоночнику.

– А ноги как?

Это был вопрос по сути, и Джесси понимала, что ей придется все сказать.

– Восстановить двигательную активность в полной мере она не сможет, – тихо сказала она.

– То есть? – В его голосе слышался страх – он слишком устал, чтобы впасть в ярость. – Она будет ходить?

Его интересовало только это. Он не допускал мысли, что Лили, его прекрасная Лили, которая должна была выиграть золотую медаль, проведет жизнь в инвалидном кресле.

– С травмой десятого позвонка – вряд ли. Она сможет в полной мере пользоваться руками, и другие функции у нее тоже в норме, но разрыв спинного мозга оказался полным, для окончательного восстановления функций площадь повреждения нервов слишком велика.

– Вы хотите сказать, что моя дочь больше не будет ходить? Что навсегда останется парализованной?

– В области спинальных травм постоянно появляются новые разработки. Да, сейчас мы не в состоянии лечить полные повреждения, но это не означает, что так будет всегда. Она молода, и будем надеяться, что достижения медицинской науки не обойдут ее стороной.

Это было косвенное признание в том, что современная медицина не умеет справляться с травмами типа той, которую получила Лили. Джесси сделала все, что было в ее силах. Теоретически можно допустить, что когда-нибудь у Лили родятся дети, она будет жить полной жизнью, сделает карьеру, обзаведется семьей, но при этом останется в инвалидном кресле. Джесси подтвердила его худшие опасения.

– К черту достижения, – проговорил Билл, поднимаясь и глядя ей прямо в лицо. – Вы можете сделать так, чтобы она сейчас стала ходить? Что для этого нужно – еще операции? Костные трансплантаты? Что?

Джесси покачала головой, а у него вырвался животный крик, похожий на горестный вой. Но, по крайней мере, его дочь была жива. Она не погибла при аварии и во время операции, а запросто могла бы. Он повернулся к Джесси с разъяренным лицом:

– Я вам не верю. Вы просто действовали наобум. Я отвезу ее в Нью-Йорк, Бостон, в Европу – куда потребуется. Обязательно найдется тот, кто сможет поправить ей позвоночник.

– Едва ли, мистер Томас. Не хочу внушать вам ложных надежд. Но даже так она может вести вполне неплохую жизнь. Ей потребуется реабилитация, и как раз в вашем городе располагается один из лучших в стране реабилитационных центров. Лили прекрасно адаптируется к своей новой жизни. И не стоит упускать из виду тот факт, что она выжила, и это уже само по себе чудо, учитывая травму, которую она перенесла.

Он снова опустил на кушетку и закрыл лицо ладонями. Перед глазами все плыло. Он не представлял себе, что ждет Лили в будущем. Что за жестокий удар судьбы – на всю жизнь оказаться в инвалидном кресле. Он не собирался опускать руки. Если потребуется, он объездит с ней весь мир и найдет того, кто ей поможет, чего бы это ни стоило. Он поднял глаза на Джесси – в них отражалась мука.

– Я этого не допущу.

Джесси лучше, чем кто-либо, знала, что вариантов у него не было, равно как не было возможности предотвратить обрыв злосчастного троса. Это состоявшийся факт, который он может признавать или нет. А сейчас он отрицает последствия этой аварии для Лили. Джесси еще несколько минут поговорила с ним и в частности сказала, что через несколько часов, когда Лили придет в себя, он сможет ее увидеть. Она предложила ему отправиться домой и поспать – в случае чего ему позвонят. Но он твердо решил остаться. Он не хотел уезжать, не увидев Лили. Потом Джесси с Беном ушли. Ей не понравилось, как прошел разговор с отцом, но этого следовало ожидать. Пройдет еще много времени, прежде чем он сможет взглянуть правде в глаза.

Джесси включила мобильный, когда они вышли из лифта и направлялись в вестибюль. Ночь выдалась длинная, тяжелая, потребовавшая от нее огромной концентрации сил и над-рывного труда, и сейчас ей хотелось одного: оказаться дома, принять душ и упасть в кровать. По пути к машине она прослушала сообщения и удивилась, что их три – от ординатора из «неотложки» и два – от полиции. Она вдруг подумала о Крисе, и сердце болезненно сжалось. Неужели с ним что-то вчера случилось? Но сообщений ни от него, ни от Тима не было. Озадаченная, она позвонила ординатору, и тот первым делом спросил, где она находится.

– На парковке. А что? Я только закончила оперировать спинальную травму – одиннадцать часов провела на ногах. Если речь идет о пациенте, предупреждаю, я не в лучшей форме. Это кто-то из пострадавших в аварии на подъемнике?

Она была бы рада осмотреть пациента, но оперировать прямо сейчас было выше ее сил. Она была на пределе усталости.

Он помедлил с ответом.

– Ваш сын, доктор Мэттьюз, вчера вечером попал в автомобильную аварию, – неловко произнес он.

Именно этого она боялась, и единственное, что ее сейчас волновало, – насколько все было серьезно.

– Крис? – панически вскрикнула она. В ее голосе ему послышался ужас.

– Нет, Джимми.

– Этого не может быть. Он был с отцом. Никто не звонил мне.

Кроме полиции. Сейчас, помимо паники, в ее голосе звучала нервозность.

– Где он? Его госпитализировали?

– Он наверху, в педиатрическом. С ним все в порядке. У него легкое сотрясение.

– Тогда почему он в больнице? Где его отец?

– Я... может быть, вы вернетесь?

Она нажала отбой и со всех ног помчалась обратно, по пути набирая Тиму. Сразу включилась голосовая почта, и тогда она набрала номер, указанный в сообщении из полиции. Ответил сержант – она назвала себя и объяснила причину звонка.

– Судя по всему, с моим мужем и сыном вчера вечером что-то случилось. Я получила СМС из полиции. Только что. Мне кто-нибудь скажет, что произошло?

Сержант помедлил, не желая сообщать такое по телефону, но выбора у него не было.

– Вчера вечером произошла дорожная авария. В машину вашего мужа врезался другой автомобиль – ее повело на наледи и отбросило к светофору. С вашим сыном все в порядке. – Он добрался до роковых слов и очень не хотел продолжать дальше. – Мне жаль, миссис Мэттьюз. При столкновении ваш муж погиб. Мы съездили к вам домой, но никого не застали.

– Я была на работе, – вполголоса сказала она. – О господи... А где Крис? Почему он не позвонил? Где он? Мой муж... где...

Она шла к «неотложке» и чувствовала себя совершенно дезориентированной.

– Он в морге, – ответил сержант.

Она автоматически захлопнула телефон. То, что ей только что сказали, было невыносимо. Нет, это неправда. Тим был дома, с детьми. Он должен быть дома. Что ему делать в морге? И тут ее увидел ординатор и пошел навстречу. Он сразу узнал ее, хотя она его в глаза не видела. В Скво Джесси была знаменитостью. Он выразил ей соболезнования, на что она тупо кивнула, и повел ее наверх в педиатрическое отделение, где Джимми уже переоделся в одежду, которая была на нем вчера. На лице у него, в том месте, где он ударился о дверь машины, она увидела кровоподтек. Она прижала его к себе, безмерно благодарная за то, что он жив и в основном цел, а потом посмотрела на него опустошенным взглядом.

– Папа забыл меня забрать, – тихо сказал он. – Нас ударила другая машина, и у него пошла кровь из уха. А меня увезли на «Скорой помощи». – Он пытался рассказать ей все сразу.

Она слушала его, не зная, что сказать на это. Что у папы не просто пошла кровь из уха. И что он не забыл забрать его. Он был в морге. Слова сержанта звенели у нее в ушах.

– Теперь мы поедem домой?

Она кивнула, не в силах говорить. Она помогла ему надеть куртку, а ординатор проводил их до машины.

– Вы в состоянии сесть за руль? – с встревоженным видом спросил он. Она тихо сказала «да». За руль она сесть в состоянии. А вот думать – нет. Она не понимала, что произошло,

отказывалась в это верить. Тим дома, готовит всем завтрак. Она усадила Джимми на заднее сиденье и на обратном пути старалась держаться как обычно, хотя ее всю трясло. Как только они зашли в дом, навстречу по лестнице сбежал Крис с паническим выражением на лице.

– Папа с Джимми вчера не вернулись домой, – сказал он, прежде чем увидел брата. – Я знал, что у тебя операция и тебе звонить бесполезно, но папин мобильник не отвечал. – Тут он увидел за спиной матери Джимми с кровоподтеком на лице. – Где папа? – Крис был в таком же смятении, как она. Джесси не отвечала, оба сына смотрели на нее с ужасом в глазах.

– Он не здесь, – уклончиво сказала она. – Я приготовлю завтрак.

Она понятия не имела о том, как будет его делать, и затем попросила Криса съездить за Хизер и Адамом.

– С папой что-то случилось? – обратился он к матери, и Джимми принялся объяснять:

– Мы попали в аварию. Нас ударила машина. У папы кровь пошла из ушка, а я стукнулся головой.

Он показал свой синяк, и Крис прекратил дальнейшие расспросы. Он молча вышел из дома, и двадцать минут спустя четверо детей сидели на кухне, выжидаяюще глядя на мать. На обратном пути Крис рассказал им то немногое, что знал сам.

– Папа в порядке? – с беспокойством спросила Хизер, а Адам был раздосадован тем, что пришлось уехать из дома друга прямо перед завтраком, но Крис сказал, что надо срочно домой, и Адам в кои-то веки не стал препираться. Он понял, что что-то не так и старший брат выглядит испуганным.

Джесси сидела тут же, за кухонным столом. Она хотела поговорить со всеми вместе, а теперь не знала, что сказать. Ей было безмерно тяжело. Это не укладывалось в голове. Как он мог погибнуть от удара? Джимми же выжил. Почему он – нет? Обстоятельств аварии она не знала, но они не имели значения. Важно было лишь то, что Тим погиб. Это было невыносимо – она посмотрела детям в глаза и заплакала.

– Вчера вечером случилось ужасное. Я не знаю, как это произошло. – Говоря это, она взглянула на Джимми и притянула его к себе. Он сел к ней на колени и прижался всем телом. – Папа погиб.

При этих словах она всхлипнула, и дети сгрудились вокруг нее, обняли и заплакали. Это был полный абсурд. Так не могло быть, но так было. Она всегда переживала, когда Крис садился за руль по вечерам, но чтобы Тим? Ей казалось, он всегда будет рядом. Она никогда не думала, что с ним что-то может случиться. Так они еще долго сидели обнявшись на кухне и плакали.

А потом она позвонила Бену и попросила его съездить с ней в морг. В полиции сказали, что необходимо провести опознание, но Бен сделал это за нее – она не хотела видеть мужа в таком виде. Ей хотелось видеть его, прикоснуться к нему и обнимать его, а помнить его мертвым она не хотела. Это было выше ее сил. Она не могла поверить, что он больше не придет домой.

Они съездили в бюро ритуальных услуг и сделали необходимые распоряжения, после чего Бен отвез ее домой, сказав, чтобы о Лили Томас она не беспокоилась: он вернется в больницу, проверит ее состояние и прикроет Джесси, а ей надо побыть дома с детьми. Но Джесси, сознавая собственную ответственность, сказала, что поедет с ним. Это был ее долг перед пациенткой и ее отцом. Бен пообещал заехать за ней, и в пять часов она вышла из дома, сказав детям, что скоро вернется. К ним приехали девушка Криса и две подружки Хизер. Адам, отказываясь верить в случившееся, отчаянно рубился в приставку, а Джимми спал в родительской постели. Перед отъездом из дома Джесси лежала рядом с ним.

В больнице оказалось, что Лили уже перевели из реанимационной палаты в интенсивную терапию. Дыхательную трубку убрали, пациентка находилась под действием седативных препаратов, но была в сознании. С медицинской точки зрения все обстояло хорошо. Отец заходил к ней, а сейчас, по словам дежурной медсестры, ушел в кафетерий перекусить. Джесси прове-

рила показатели и сделала назначения. Прогрессом она осталась довольна, а Бен пообещал еще раз провести больную в вечернее время.

Они уходили, когда отец Лили появился из лифта – он посмотрел на них обезумевшими от горя глазами, но обратился не к Бену, а к Джесси.

– Я не верю тому, что вы сказали утром, – твердо проговорил он. – Возможно, вы сделали все, что было в ваших силах, но это не означает, что другой специалист, более высокой квалификации, не в состоянии справиться с этой проблемой.

Джесси помолчала, а затем кивнула. Так, значит, так. Ей было отлично известно, что ни один врач не сможет в полной мере восстановить двигательную активность у Лили, но Билл Томас пока не готов это признать.

– Я договариваюсь о консультациях с другими врачами в Лондоне и Нью-Йорке. Говорят, в Цюрихе есть нейрохирург, который специализируется на спинальных травмах. Еще я хочу отвезти ее в Гарвард.

– Понимаю, – кивнула Джесси. – Я, пожалуй, поступила бы так же. Доктор Штайнберг позже зайдет к Лили.

Джесси выглядела отсутствующей и рассеянной, Билл видел это, но решил, что ее смутило заявление о консультациях с другими специалистами и то, что те скажут.

– А вы что – вечером не вернетесь?

Вид у него был возмущенный, и Джесси извинилась.

– Простите, не могу. Я буду завтра.

– А вам не кажется, что, как ее нейрохирург, вы обязаны навестить ее и сегодня вечером?

Он мгновенно стал враждебным и агрессивным.

– Если возникнут проблемы, я приеду, – заверила его Джесси. – Я позвоню ординатору, и доктор Штейнберг немедленно придет, если что-то пойдет не так. Думаю, она будет в порядке. Извините, мне надо к детям. Я приду завтра, как только смогу.

Разъяренный Билл, не говоря ни слова, промчался мимо нее, а они с Беном зашли в лифт, и вид у нее был такой, точно еще чуть-чуть, и она скончается. Не стоило сюда приезжать. Ей хотелось увидеть Лили, но она была не в лучшем состоянии, тем более чтобы выслушивать заявления о том, что она плохо сделала свою работу и действовала наобум.

– Почему ты промолчала? – сквозь стиснутые зубы осведомился Бен.

Он огромным усилием воли удержался от того, чтобы не схватить папашу за грудки и не высказать все, что он о нем думает. Этот тип вел себя так, точно он – хозяин жизни, а это было не так. По отношению к Джесси он держался невероятно грубо и жестко, а ей хотелось лишь одного – оказаться дома с детьми и утешить их. Ей хотелось лечь на кровать и оплакивать мужа, которого она так сильно любила и никогда больше не увидит. Бен отвез ее домой – она поблагодарила его и вышла из машины. Он посмотрел, как она зашла в дом, и сам проплакал всю обратную дорогу до дома. Ему не верилось, что Тима больше нет, он не мог представить, насколько тяжелой и пустой станет жизнь Джесси без мужа. Все, что у нее было, – это работа и семья. На протяжении многих лет у них с мужем не было времени для развлечений, они редко выбирались в люди и общались в основном друг с другом. Тим был ее лучшим другом. У Бена болела душа за Джесси и за детей. Для них наступило ужасное время.

Возвращаясь в интенсивную терапию, Билл Томас никак не мог успокоиться. Он убедил себя в некомпетентности Джесси, а теперь выясняется, что она к тому же была недобросовестной и не собиралась вечером навестить Лили. Могла бы по меньшей мере дать себе труд. Проходя мимо поста, он заметил, что медсестры переговариваются приглушенными голосами и лица у них очень встревоженные.

– Лили в порядке?

Он испугался, что что-то произошло и они говорят о ней.

– В порядке, – заверила его одна из медсестер, видя, что он на взводе.

Он уже проинформировал их о том, что его дочь будет ходить, уж он об этом позаботится.

– Мы говорили о докторе Мэттьюз, – с расстроенным видом пояснила другая.

– А что с ней? – буркнул он. – Она даже не собирается заглянуть вечером к Лили. Говорит, мол, нужно быть с детьми, – презрительно добавил он. – Может, ей стоит определиться, кто она – мать или врач. Нейрохирургов на полставки не бывает.

Медсестру его слова задели за живое – очевидно, он был не в курсе случившегося, и она решила, что ему следует знать.

– Муж доктора Мэттьюз вчера вечером погиб в аварии. Он работал тут анестезиологом, замечательный был человек. Это произошло, когда она оперировала Лили. Она узнала об этом только утром, когда уходила. Ее младший сын тоже пострадал.

Билл сначала опешил от сказанного, потом ему стало не по себе. Он не знал, как реагировать.

– Простите... Я не знал...

Он вспомнил, что наговорил ей. По сути, он считал себя правым, но момент для откровений был явно неподходящий.

– Мне очень жаль, – снова сказал он и пошел в палату дочери.

Из головы не шли слова медсестры, ему вспомнилось, как он чувствовал себя в ту ночь, когда погибла мать Лили. Он всей душой сочувствовал Джесси – а вопрос о ее компетентности можно оставить на потом. Он смотрел на дочь, мирно спящую в больничной постели, впервые позабыв о том, будет она ходить или нет, – главное, что она была жива.

Глава 6

Джесси, как и обещала, приехала проведать Лили на следующее утро после завтрака. Ей кусок в горло не лез, а дети покопались в тарелках с сухим завтраком, которые она поставила на стол. Она всю ночь не спала и выглядела соответствующе, когда зашла в палату Лили, в белом халате, мертвенно-бледная, с темными кругами под глазами. Увидев Лили, она улыбнулась – под действием седативных препаратов пациентка полудремала, но была в сознании. Она хорошо реагировала на назначения.

– Как ты себя чувствуешь, Лили? – мягко обратилась к ней Джесси, останавливаясь возле кровати.

Перед тем как идти в палату, она внимательно просмотрела все данные пациентки на медицинском посту. У Лили были небольшие проблемы, жалобы на дискомфорт, но в целом она отлично поправлялась. Она была молодой и сильной. Сообщать ей о последствиях травмы пока было слишком рано, так что она еще ничего не знала, и Билл тоже ничего не сказал дочери. Ей требовалось время, чтобы оправиться после операции. Она также не знала, что после больницы ее ожидает реабилитация, что ей предстоит научиться жить по-новому, приспособиться к своей травме. Джесси хотелось на какое-то время отсрочить этот разговор с девочкой, хотя с ее отцом она была откровенной. Лили требовалось время и исцеление. Джесси использовала всю свою энергию и самодисциплину, чтобы сосредоточиться на пациентке.

– Нормально, – тихо произнесла Лили. Она вполне пришла в себя и осознавала, что перенесла очень серьезную травму, но что ее ждет в будущем, пока не знала. – Спасибо за все, что делаете для меня, – сказала она, и Джесси была тронута.

– Это моя работа.

Она расспросила, что именно беспокоило Лили накануне вечером, но существенный дискомфорт в таком состоянии был обычным симптомом, несмотря на паралич нижней части тела и конечностей.

– А когда я могу поехать домой? – поинтересовалась Лили, и Джесси сочла это хорошим знаком.

– Не скоро. Сначала ты должна пойти на поправку, – уклончиво ответила Джесси.

Но она также знала, что пациенты, в том числе с травмами, как правило, считают, что, выйдя из больницы, они оставят проблему позади. Лили заберет свою проблему с собой на всю оставшуюся жизнь. Но главное, что Джесси собиралась сказать девочке, когда та будет готова это услышать, заключалось в том, что, несмотря на полную спинальную травму, она сможет жить полноценной жизнью, как до нее смогли другие. Ей нужно было показать, что она сможет делать, а не только то, что явно не сможет, и всему этому она научится во время реабилитации. Джесси хотела посоветовать ей провести три-четыре месяца в клинике Крейга в Денвере. Она знала, что для Лили это будет ударом, для ее отца – потрясением, но Джесси хотелось, чтобы пациентка приспособилась к своей новой жизни оптимальным образом. Она надеялась, что при самом благоприятном развитии событий сможет направить ее туда в течение месяца.

Джесси провела у Лили около получаса – разговаривала с ней о том о сем и в то же время подмечала небольшие медицинские детали, после чего попрощалась, а Лили задремала. Уходя, она столкнулась с отцом девочки, который выходил из лифта на этаже интенсивной терапии. При виде Джесси он вроде бы удивился, неловко замялся, что было на него не похоже, и посмотрел ей прямо в глаза, наполненные болью. Она была уже отнюдь не такой жизнерадостной, как возле постели пациентки, – выглядела глубоко подавленной и смертельно бледной.

– Я... медсестры сказали мне вчера про вашего супруга... примите мои соболезнования... и насчет того, что я наговорил... я просто был в расстройстве из-за Лили. Я и теперь расстроен и намерен свозить ее на консультации, как только мы отсюда выпишемся. Где-нибудь

обязательно должны быть новейшие технологии, чтобы поставить ее на ноги. Нам нельзя сдаваться, она не может сидеть в инвалидном кресле до конца дней. Для нее это будет трагедией, – мрачно проговорил он, но его тон в разговоре с Джесси уже был гораздо мягче, чем накануне.

– Трагедия – это лишь отношение к проблеме, – твердо сказала Джесси.

Она была сильнее, чем могло показаться, даже в своей тяжелейшей ситуации. Она по-прежнему оставалась крутым профессионалом, и нужды и интересы пациентов занимали ее в первую очередь.

– Ее жизнь не должна быть трагедией, мистер Томас.

Ей хотелось, чтобы не только Лили, но и ее отец тоже это понял, потому что он неизбежно будет влиять на самооощущение дочери. Если жить в атмосфере отчаяния, это будет сильно сказываться на ней, а Джесси не желала этого ни ей, ни другим своим пациентам – в какие бы аварии они ни попадали и какие бы травмы ни являлись их последствиями. А оптимистичный настрой в отношении будущего являлся принципиально важным для ее выздоровления. Именно поэтому ей хотелось, чтобы Лили поехала в клинику Крейга – чтобы ее жизнь наладилась, причем самым оптимальным образом.

– Она может жить потрясающей жизнью, и мы ей этого желаем, мистер Томас. Есть уйма вещей, которые ей будут по силам – водить машину, учиться в колледже, осваивать профессию, заниматься политикой, выйти замуж и рожать детей. Единственное, что она не сможет, – это пользоваться ногами. Остальное у нее в порядке. Нам просто нужно переориентировать ее цели.

Все обстояло несколько сложнее, но Джесси хотелось подчеркнуть, что стакан скорее наполовину полон или близко к этому, чем наполовину пуст, и Лили быстро уловит и отреагирует либо так, либо эдак.

Билл напрягся, его голос снова зазвучал агрессивно:

– Она больше не сможет кататься, не поедет на Олимпиаду. Никогда не завоеует золотую медаль, а она шла к этому пять лет. Никогда не будет танцевать и ходить, не пойдет на свадьбе к алтарю, и сколько парней, по-вашему, захотят взять в жену девушку-инвалида, пусть даже трижды красавицу?

В его глазах стояли слезы. С тех пор как Лили попала в аварию, он только об этом думал, а после прогноза Джесси, что его девочка больше не будет ходить, эти мысли стали еще навязчивее.

– Хороший – возьмет. В Стэнфорде одновременно со мной проходил ординатуру парень с такой же травмой, как у Лили. Он был в инвалидной коляске и хотел специализироваться в нейрохирургии из-за того, что произошло с ним. Он женился примерно в то же время, что и мы, и, по последним данным, у него шестеро детей. Его жена – замечательная женщина, тоже врач, и обожает его. Она занимается новейшими разработками в области спинальных травм, вероятно, из-за него. Даже после таких аварий можно жить полной жизнью. Я не говорю, что это легко, и Лили лгать не стану, но я собственными глазами видела, чего могут добиваться люди. При правильном отношении и обучении Лили сможет достичь многого. А все могло бы быть гораздо хуже. У нее травма в области грудного отдела, а не шейного – она может использовать туловище и верхние конечности. При травме шейного отдела люди управляют коляской, пользуясь дыхательной трубкой, и даже так добиваются результатов. И что более важно, она жива. Не всем из тех, кто оказался на подъемнике, настолько повезло, и в ближайшие дни в городе состоятся похороны. Люди, приехавшие в Тахо, как Лили, отдохнуть и покататься, погибли.

– Я это так не оставляю, – решительно произнес Билл. – Я уже связался со специалистами мирового уровня в области спинальных травм.

Он, как и прежде, хотел сказать, что Джесси – местечковый хирург и мало что смыслит в своем деле. Но это никак не влияло на травму, которую получила Лили, никто не сможет

это изменить или отменить, пока наука не предложит новых решений, и остается лишь надеяться, что Лили доживет до лучших времен, потому что она молода, но пока – увы. Джесси уже сделала все, что могла, и продолжает делать, а Билл может признавать это или нет. Он по-прежнему находился на стадии отрицания и не хотел смиряться. Джесси знала, что если он не сможет принять реальности жизни дочери, в итоге это будет очень тяжело для Лили. Но она также знала, что прошло слишком мало времени, рано или поздно ему придется посмотреть правде в глаза.

Билл Томас был боец и привык добиваться своего. Он достиг многого и не желал сдаваться. Ради Лили он сделал бы все что угодно. Джесси восхищалась его целеустремленностью, несмотря на то что с ней он держался грубо и агрессивно. В отличие от Бена она понимала его мотивы и чувства и сопереживала ему. Он сражался не за себя, а за Лили и считал, что действует правильно, пусть даже попирая ее профессиональные чувства. Она принесла ему плохую весть, а он этого слышать не хотел. И никто не хочет, но одни люди принимают плохие новости лучше, чем другие. Билл был не из их числа. Он хотел, чтобы Лили восстановилась самым оптимальным образом. По натуре он не был злым человеком, просто становился грубым, когда выходило не так, как хотелось ему.

– Я соболезную вам, – снова сказал он, и Джесси кивнула, стараясь не расплакаться от его слов. Говорить о Лили ей было легче, чем о себе. После двух бессонных ночей она была на пределе усталости, и от этого ей было совсем невмоготу.

– Моя жена погибла в дорожной аварии, когда Лили было три. Это ужасно, – мягко сказал он. – Я понимаю ваши чувства.

Эмоции переполняли ее, и, несмотря на все усилия, слезы хлынули у нее из глаз и полились по щекам. Она вытирала их ладонью, а он сочувственно смотрел на нее.

– Я слышал, у вас четверо ребятишек. Мои соболезнования всем вам. По крайней мере, они у вас есть. А у меня только Лили. Она для меня все.

При этих словах его глаза увлажнились, и так они стояли, глядя друг на друга – невольные товарищи в утрате и в печали. То была особая боль, ничего подобного Джесси не испытывала прежде. Тим был частью ее самой. Они вместе просыпались, когда не работали, и были идеальными партнерами в воспитании детей. Она не представляла себе жизнь без него. И всякий раз, думая об этом, ей хотелось кричать от ужаса. Как ей жить без Тима?

Несколько минут спустя она покинула больницу, напоследок заверив Билла, что Бен Штайнберг будет внимательно наблюдать за Лили и, если потребуется помощь, даст ей знать. Похороны Тима были на следующий день, и сейчас она должна была находиться с детьми. На этот раз Билл не возмущался.

Вскоре она была дома – все четверо сегодня пропустили школу, а соседка Салли Макфи принесла им поесть. Крис и Хизер валялись в гостиной и смотрели телевизор, Адам лежал на кровати в своей комнате, тупо уставившись в потолок, а Джимми сидел рядом с Хизер и сосал большой палец – подобного за ним не замечалось с трех лет. Дети были печальны, и Джесси выглядела не лучше. Салли открыла холодильник и показала, что она принесла им. Там были горы еды, и, хотя никому есть не хотелось, Джесси была признательна за заботу. Все в округе переживали за их семью. Тим был замечательным человеком, занимался не только своими детьми, но помогал с соседскими – довозил на машине, оставлял на ночевку – и был хорошим другом. Джесси смотрела на Салли убитыми горем глазами, и, когда Салли обняла ее, обе заплакали. Про себя Джесси понимала, что ее жизнь уже никогда не будет прежней.

Потом, просто чтобы сменить тему, они заговорили про аварию на подъемнике, и Джесси упомянула свою пациентку из числа пострадавших. Салли и ее муж были знакомы с двумя погибшими лыжными инструкторами. Подобная авария произошла в этих местах свыше тридцати лет назад. Тогда подъемник работал исправно, это была чистая случайность, лишившая жизни одних и необратимо изменившая жизнь других, как в случае с Лили. Это была судьба,

как гибель Тима два дня назад. И теперь Джесси предстояло остаток своей жизни доживать без Тима. После ухода Салли она пошла наверх, чтобы подобрать одежду детям для похорон отца и что-то себе. И Тиму надо было найти что-то попримечнее, пусть даже гроб будет закрыт. В похоронном бюро она пообещала завезти для него костюм. Джесси открыла дверцу его шкафа, увидела одежду, которую он больше никогда не наденет, постояла минуту, а потом рухнула на колени и зарыдала.

Тем утром, пока Лили спала (а теперь это было ее обычное состояние), Билл поехал домой, чтобы заняться делами. Он позвонил Энджи, своей помощнице в Денвере, и поручил сделать от его имени ряд звонков. Об аварии он уже уведомил ее ранее по имейлу – от этого известия она пришла в ужас и выразила горячее желание всецело помогать ему. Энджи обожала Лили и была предана Биллу. Он сообщил ей фамилии нейрохирургов мирового уровня и попросил связаться с ними, а также сказал, что не имеет понятия о том, когда они окажутся дома. Пока говорить об этом было рано.

Поговорив с помощницей, Билл позвонил Пенни на Сен-Бартелеми. Авария произошла два дня назад, но пока у него не было ни времени, ни желания общаться с подругой. Она не входила в его семью, и, хотя знала Лили на протяжении двух лет, близки они не были.

Он планировал оставить Пенни голосовое сообщение, считая, что она вряд ли откликнется, и был удивлен, когда она ответила. Ему не хотелось сообщать ей такую новость в СМС, и на мгновение у него возникло желание услышать ее голос. До той поры он никому не звонил, за исключением помощницы несколько минут назад.

Услышав его голос, Пенни сразу поняла – что-то не так. Она чувствовала себя виноватой за то, что не звонила ему с Сен-Бартелеми, но последнюю неделю она была сильно занята. Для нее работа всегда стояла на первом месте – это был ее жизненный выбор, сделанный двадцать лет назад. Ей было сорок два, она никогда не была замужем, не имела детей и ни о чем не жалела. Ее детьми были ее клиенты. Бизнес значил для нее все, и это устраивало Билла, который не был готов дать больше, чем имел. Его сердце принадлежало Лили. После гибели жены в нем не осталось места ни для кого другого.

– Что-то случилось?

Она сразу отметила мрачный тон его голоса, когда он произнес ее имя.

– Да, несчастье, – сказал он.

Его глаза наполнились слезами, и он откашлялся. Он не хотел при ней давать волю эмоциям, просто хотел сообщить, но, услышав ее голос, размяк. В конце концов, они были хорошими друзьями.

– Лили попала в аварию в Скво.

Он рассказал ей, что произошло, и Пенни пришла в ужас. Он не стал говорить о том, что, по мнению врача, дочь больше не будет ходить, – и без того все было скверно, а словам врача он не верил.

– О боже, мне так жаль. Хочешь, я прилечу к вам? Мне в любом случае завтра улетать. Открытие прошло просто замечательно.

В контексте того, что сказал он, последняя фраза звучала неуместно, и оба это понимали. Она планировала на обратном пути встретиться с клиентом в Нью-Йорке, потом с другим в Чикаго, но сказала, что с радостью отправится в Калифорнию, а оттуда в Тахо, чтобы быть рядом с ним. Он был тронут ее предложением, но счел нужным отказаться. Ему хотелось целиком и полностью сосредоточиться на Лили.

– Она сможет ходить?

Пенни сразу задала вопрос по сути, и в голосе Билла зазвучали жесткие ноты.

– Разумеется.

Ему не хотелось озвучивать прогноз Джесси. Тем более что он считал его неверным. И ему не хотелось, чтобы Пенни думала так о Лили – в этом случае все стало бы слишком реальным.

– Я поручил Энджи договориться о консультациях с нейрохирургами. Нам нужны самые лучшие специалисты. Это захудалый городок, хотя здешний хирург, вероятно, неплохой, она училась в Гарварде, но не настолько квалифицированная, как врачи в крупных городах. Как только мы выпишемся отсюда, я хочу свозить Лили на консультации.

Пенни чувствовала, что он что-то недоговаривает. Билл чеканил слова, и она предположила, что новости были неутешительные. Все, что касалось Лили, он принимал очень близко к сердцу.

– Это разумно, – тихо сказала Пенни и от дальнейших расспросов воздержалась. – Ей повезло, что выжила. Я могу чем-нибудь помочь?

На мгновение в ее голосе послышалась грусть. Ей хотелось бы находиться рядом с ним в период такого жизненного кризиса. Она любила Лили и Билла и вместе с тем понимала, что он никогда не пускал ее в святая святых своей жизни, и сейчас, когда Лили так нуждалась в нем, вероятность, что она проникнет туда, почти сошла на нет. И прежде для нее в его жизни было немного места, а сейчас будет еще меньше. Просто он был таким. Лили была центром его мироздания, а Пенни – всего лишь местом, куда он время от времени навещался.

Брак или даже сожителство никогда не были ее целью. Ее напрягала мысль проводить слишком много времени с другим человеком или вести активную интимную жизнь. Карьера была надежнее мужчины, который мог подчинить себе ее существование и контролировать ее. Подобно Биллу, она отчаянно боролась за то, чтобы улучшить свою жизнь и поднять бизнес. Собственная безопасность и независимость были для нее важнее близких связей. Но, услышав печаль в его голосе, она пожалела о том, что он не позволяет ей быть рядом. Впрочем, она не удивилась. Их отношения такого не предполагали – они были рассчитаны исключительно на хорошие времена, и никак иначе.

– Если что, я сообщу, – дружелюбно отозвался он. – А пока ей нужно окрепнуть и поправиться. Она очень хорошо перенесла операцию, но это было только вчера. Я позвоню, когда смогу, – пообещал он.

Но она усомнилась – это звучало в его голосе. Она была на обочине, как всегда, за исключением эпизодических ночей, которые они проводили вместе, когда Лили отсутствовала или была в поездках. Билл Томас отлично умел обозначать границы в своей жизни, и доступ к его сердцу был открыт только одному человеку – его дочери.

– Тогда до скорого. Скажи Лили, что я люблю ее, – сказала она и нажала отбой.

Она сказала, что любит Лили, а ему никогда ничего такого не говорила, да ему и не нужно было. Они не имели обязательств друг перед другом, и их это устраивало. Какое-то мгновение после окончания разговора у Пенни было ощущение, что он только что попрощался с ней и поставил точку в их отношениях. Она не была уверена, но чувствовала, что теперь ничто не должно отвлекать его от помощи дочери. Такое же ощущение было у Билла, который сидел перед окном в Скво-Вэлли, глядя на оборвавшийся два дня назад подъемник, изменивший их жизнь. Территория была оцеплена, а большая часть горы – закрыта, и так будет до тех пор, пока не выяснится, что произошло в тот день и почему.

Той ночью у Лили развилась лихорадка, что случается после операции, и Бен позвонил Джесси. Она с детьми только что вернулась с прощания, куда пришли все медики Скво-Вэлли и других городков, чтобы отдать дань уважения Тиму. На церемонии присутствовали родители друзей – те, с кем Тим в свободное время играл в теннис и софтбол. Там были знакомые Тима, которых Джесси видела в первый раз, а другие знали только ее. Она была потрясена тем, сколько людей явилось на прощание, и была выжата как лимон, когда добралась домой

и раздался звонок Бена. Дети тоже выглядели подавленными. Гроб с телом их отца стоял на постаменте, но по просьбе Джесси был закрыт. Видеть Тома в гробу было выше ее сил. Будь он открыт, она точно потеряла бы над собой контроль и забилась в истерике, и ей не хотелось, чтобы дети запоминали его таким. Хватит того, что видел Джимми в вечер аварии – он до сих пор говорил про то, что у папы «шла кровь из ушка». Джесси знала, что это был признак черепно-мозговой травмы, от которой он скончался.

– Я приеду, – со вздохом проговорила Джесси, когда Бен сказал ей про лихорадку у Лили. Температура была довольно высокой, наблюдение требовалось, хотя в подобных обстоятельствах такое случалось, но Джесси все рано решила удостовериться лично. Даже сейчас, как бы тяжело ей ни было, она оставалась добросовестной и ответственной.

– Не надо, – заверил ее Бен. – Я понаблюдаю за ней некоторое время.

Его подруга Казуко была на прощании, а Бену предстояло на следующий день нести гроб на похороны. Казуко была медсестрой, с которой он познакомился в Сан-Франциско, и они много лет жили вместе. Она последовала за ним в Скво-Вэлли, их отношения, судя по всему, работали. Он был на два года младше Джесси и в сорок один год по-прежнему не чувствовал себя готовым к браку. Джесси и Казуко неоднократно говорили на эту тему, и Казуко считала, что это вряд ли случится. Ей было сорок шесть, она была бесконечно предана ему и, казалось, не переживала по поводу брака. Она считала себя слишком старой для материнства и отказалась от этой затеи, лишь бы быть с ним. В больнице она работала в радиологическом отделении, имела кучу хобби, бегло говорила по-японски, хотя родилась в Соединенных Штатах. Они с Беном несколько раз ездили в Японию, он тоже выучил японский. Оба были страстными лыжниками и поначалу сблизились именно на этой почве, и жизнь в Скво-Вэлли Бену нравилась. Он вырос в Лос-Анджелесе и, по его словам, никогда не скучал о нем. Жизнь в горах была ему больше по душе, чем Джесси, которая время от времени скучала по городу и культурной жизни – прежде она жила в Бостоне и Пало-Альто, неподалеку от Сан-Франциско, а выросла в Нью-Йорке, но поехала к озеру Тахо вслед за Тимом и ни разу об этом не пожалела.

Когда Джесси приехала в больницу, Лили спала, а Билл расхаживал взад-вперед по коридору. Джесси осмотрела ее и удостоверилась в том, что речь идет о небольшом послеоперационном осложнении. Бен был того же мнения, но ей стало легче оттого, что она убедилась в этом лично.

– Как ваши дети? – спросил Билл перед ее уходом.

Он удивился, что она приехала, но у Лили был нерядовой случай и, хотя она, безусловно, доверяла Бену, ей хотелось посмотреть собственными глазами. Биллу она об этом не сказала, но он понял и был впечатлен. Не будь ее прогнозы настолько неутешительными, она нравилась бы ему еще больше. А так его крайне возмущали ее слова о том, что Лили никогда не будет ходить.

– Полагаю, мои дети в порядке, – ответила она на его вопрос. – Насколько это возможно. Пока нам всем кажется, что это неправда, – сказав это, она поняла, что именно так он ощущает себя в связи со случившимся с Лили. Адаптироваться к реальности жизненных перемен получается не сразу, особенно если речь идет о таких разительных переменах, какие только что произошли с ними.

– Спасибо, что пришли.

Он знал, что похороны на следующий день, и тот факт, что она приехала в больницу проверить состояние Лили, свидетельствовал об исключительной профессиональной добросовестности.

Она снова заверила его, что состояние Лили стабильное, и поехала домой. Дети были притихшие, после случившегося в доме установилась зловещая тишина. Казалось, веселье покинуло его навсегда. Старшие дети были подавлены. Джимми уже крепко спал в маминой

постели, а Адам с бессмысленным взглядом играл на приставке. У всех было такое ощущение, точно они находятся под водой и двигаются в замедленном темпе.

Мать Тима жила в Чикаго, но у нее была деменция, она не понимала, что к чему, и на похороны ее не ждали. Джесси лишилась родителей много лет назад, еще в молодости, поэтому у детей не было ни бабушек, ни дедушек, чтобы разделить горе. Теперь у них была только мама.

На следующий день во время похорон было еще тягостнее. Джесси не покидало чувство ужасающей нереальности происходящего, когда священник говорил о Тиме, хор пел «Аве Мария», а она и дети плакали. Здесь собрались почти все врачи, медперсонал и лаборанты Скво-Вэлли. Джесси видела множество знакомых лиц, но потом никого не могла вспомнить. Гроб несли анестезиологи, коллеги Тима, и Бен с Крисом вызвались помогать им. У Джесси чуть не разорвалось сердце при виде сына, несущего гроб с телом отца, – только сейчас она поняла, что ее мальчик стал мужчиной. А ему едва исполнилось восемнадцать. И это был самый ужасающий обряд инициации.

Потом процессия двинулась на кладбище, и Тима опустили в мерзлую землю. Кто-то сказал ей, что двоих подростков, находившихся в другой машине и погибших в той аварии, тоже хоронили сегодня, а в ближайшие дни будут хоронить погибших в аварии на подъемнике. Потом, когда все отправились назад в дом Джесси, начался снег, и снежинки были такие большие, какие бывают в стеклянных шарах или на рождественских открытках. Она на минуту задержалась возле задней двери, чтобы вдохнуть свежего воздуха и побыть одной, вдали от людей, пришедших выразить свои соболезнования, подняла глаза к небу и подумала о Тиме. Ей не верилось, что она никогда больше не увидит его. Мир без него опустел, слезы катились по ее щекам, и так было уже не один день. Она зябко поежилась и пошла внутрь, понимая, что ее жизнь никогда не будет прежней, – она поняла это, как только узнала о случившемся.

Глава 7

Стоял февраль, Лили провела в больнице уже больше месяца, и Джесси наконец решила, что пациентка готова к выписке. Она успешно восстановилась, хорошо реагировала на медикаменты и физиолечение. Оно главным образом предполагало регуляцию работы мочевого пузыря и кишечника, что было важно при параличе нижних конечностей – состоянии, которое ее отец по-прежнему отказывался признавать. Он проконсультировался с ведущими мировыми нейрохирургами и выбрал четверых, которым хотел показать дочь, – в Цюрихе, Лондоне, Нью-Йорке и Бостоне. Это были крупные специалисты, Джесси была знакома с их достижениями и сферой научных интересов. Лично она знала только врача, с которым Билл контактировал в Гарварде, – он возглавлял отделение нейрохирургии в Массачусетской больнице общего профиля. Студенткой Джесси училась у него и все эти годы оставалась с ним на связи. До настоящего времени она ни разу не обращалась к нему по медицинскому поводу. Все ее прежние случаи были однозначными, и, хотя многие пациенты приезжали из других мест и травмировались во время катания в Скво-Вэлли, большинству требовались от нее всего лишь направления, чтобы продолжить лечение в родном городе. Никто не планировал крестовых походов типа того, что затевал Билл, и Джесси с тревогой думала о том, как Лили перенесет такое количество переездов сразу после выписки из больницы. Он зафрахтовал для этих целей частный самолет и забронировал люксы в лучших отелях. Он озадачил Джесси вопросом о том, следует ли им взять с собой врача, явно намекая на то, что это должна быть она, но это было абсолютно исключено. Она не могла оставить детей, когда после смерти их отца прошло так мало времени, а кроме того, у нее были другие пациенты, которые нуждались в ней. Вместо этого Джесси предложила взять медсестру из неотложной терапии, сама нашла подходящую кандидатуру и договорилась с ней.

Дженнифер Уильямс пришла в восторг от этого предложения, и Лили она понравилась. Джесси заверила Билла, что безоговорочно доверяет Дженнифер, и он назначил отъезд из Скво на Валентинов день. Это было чистым совпадением, связанным с датами приемов у нейрохирургов и фрахтом самолета. Вылет был из Рино, докуда они предполагали добраться на лимузине. Помощница Билла в Денвере тщательно все спланировала и сообщила все детали. Джесси по-прежнему считала эту затею бессмысленной, но разубедить его не пыталась, заверив, что будет доступна для любых телефонных консультаций. Она уже отправила специалистам больницу карту и результаты обследований Лили в электронном виде. Учитывая это, Джесси недоумевала, зачем они хотят ее увидеть, но Билл Томас был важной персоной и нажал на все кнопки, чтобы эти встречи состоялись. Сейчас Джесси уже поняла, насколько упертым он может быть. За последние полтора месяца у них произошло несколько стычек из-за того, что он недвусмысленным образом заверял Лили, что она будет ходить, а Джесси считала такое его поведение безответственным. За два дня до отъезда девочка сама заговорила с ней об этом.

– Это все, да, доктор Мэттьюз? – тихо спросила Лили, сидя в инвалидной коляске у нее в кабинете. Она уже начала терапию в Скво, и Джесси согласовала план лечения с терапевтами из клиники Крейга, когда она вернется назад в Денвер. Сейчас было жизненно важно помочь ей адаптироваться к новой жизни. Ее прежняя жизнь закончилась навсегда, что бы там ни говорил ее отец.

Как только Лили стало лучше, она принялась звонить и писать сообщения друзьям, в частности Джереми и Веронике, которые пришли в ужас от случившегося с ней, и другим. Неожиданно между ними возникла огромная пропасть – все, о чем они говорили, теперь было для нее недоступно, типа подготовки горнолыжников к Олимпийским играм, а все ее друзья были из команды. И как это прежде было с ней, вся их жизнь крутилась вокруг спорта. После аварии она сразу стала аутсайдером. Сейчас Лили не могла участвовать даже в их развлече-

ниях – танцах, катании на коньках и лыжах, занятиях спортом. А по возвращении домой она три-четыре месяца проведет в реабилитационной клинике, и им придется ее навещать. Они пообещали ей, но во время телефонных разговоров она уже почувствовала себя исключенной из их компании – без подготовки к олимпийским играм в ее жизни возникнет огромная дыра. Тренер, поговорив по телефону с Биллом, позвонил ей, чтобы поддержать, и заверил, что она и через пять лет сможет завоевать медаль на Олимпиаде, если пропустит ее в следующем году. Отец заверил его, что Лили восстановится в полном объеме. Билл никому не говорил о том, что ее спинальная травма была полной, что ниже пояса она парализована и останется такой навсегда. После разговора с отцом тренер пребывал в убеждении, что Лили восстановится, а она не стала говорить друзьям всей правды о своей травме. Отец попросил ее этого не делать. Ее глаза были печальны, когда она обратилась с вопросом к Джесси, которая не сразу поняла, что она имеет в виду.

– Ты про Скво? Ну да, – улыбнулась ей Джесси.

Она привязалась к этой девочке сильнее, чем к другим пациентам. Лили была прелестной, и Джесси понимала, что беда, с которой она столкнулась, будет довлеть над ней тяжким грузом, особенно при таком отношении отца. Он по-прежнему отказывался смотреть правде в глаза. Джесси надеялась, что он очнется в скором времени – ради Лили. Как только это произойдет, ей станет легче, они начнут энергично двигаться вперед к деятельной жизни. А сейчас он цеплялся за прошлое и побуждал Лили делать то же самое, а для нее это было губительно.

– Как только попадешь домой, у тебя будет дел по горло, – сказала Джесси. – Терапия в Крейге, занятия в школе, встречи с друзьями. И поступление в колледж не за горами.

Она пыталась заставить Лили смотреть вперед, а не назад.

– Я не это имела в виду, – грустно сказала Лили с обреченным взглядом. – Я об этом. – И она указала на свои ноги, пристегнутые в коляске, чтобы не болтались при движении. Она их совсем не чувствовала, точно они были чужие, и вообще ничего ниже пояса не ощущала. Джесси долго молчала, прежде чем дать ответ. Билл строго-настрого запретил ей говорить Лили о том, что она не будет ходить, но Джесси сознавала свою профессиональную ответственность и знала, что скажут другие специалисты, в частности нейрохирург из Бостона, с которым она была знакома и говорила по телефону. Он всецело согласился с ее прогнозом и предвидел негодующую реакцию Билла. Джесси подтвердила его опасения.

– Я навсегда останусь в этой коляске, да? – напрямик спросила Лили.

Она подозревала это, опираясь на то, что слышала, но отец с невероятной убежденностью говорил иное, а он никогда прежде ей не лгал. Она была сбита с толку, и Джесси это видела. В отличие от отца Лили была готова посмотреть правде в глаза.

– В этой области ведутся интенсивные исследования, – сказала Джесси. – Спинальные травмы касаются очень многих людей. И исследования стволовых клеток являются очень многообещающими. – Лили сверлила ее взглядом. Джесси знала, что исследования ее не интересовали – она хотела услышать правду о себе. Голос Джесси стал серьезным. – Пока да, это так. В клинике Крейга тебя научат, как справляться с этой ситуацией, и помогут освоить нужные навыки.

Благодаря лыжам нижняя часть тела у Лили была натренированной. Теперь ей предстояло развить верхнюю, чтобы по-новому пользоваться руками, управлять коляской и обслуживать себя. Отец заказал для поездки легчайшую современную коляску, одну из лучших в своем роде. И Дженнифер будет рядом.

– Лили, тебе ничто не мешает вести активную жизнь – не просто хорошую, а замечательную. Я не преувеличиваю и верю, что так и будет. Не хочу сказать, что поначалу будет легко, тебе придется приноровиться, но ты сможешь. Перед тобой откроются новые двери, о которых ты не подозревала. Пусть ты не победишь на Олимпиаде, но сможешь победить в жизни, а это

важнее. Ты – победительница, Лили, я знаю. Тебе просто нужно держаться взятого курса, и со временем ты увидишь, куда он тебя приведет.

Лили кивнула со слезами на глазах.

– Папа все время говорит, что я буду ходить, а я знаю, что это не так. Он отказывается верить, – сказала она, и по ее щекам покатались слезы.

Ей предстояло много выдержать, всю жизнь оставаясь в инвалидном кресле. Для семнадцатилетнего человека, да и для любого другого, это было невероятным испытанием, и Джесси испытывала огромное уважение к ней за то, что она была готова попробовать и в каком-то смысле была более зрелой, чем ее отец.

– Он тебя очень любит, – тихо сказала Джесси, пытаясь в этих нескольких словах выразить те муки, которые испытывают родители, но Лили понимала это сама.

– Я знаю. Значит, по-вашему, я больше не буду ходить? – спросила она Джесси, которая не могла ей солгать. Пока по настоянию отца девочки она всеми способами уходила от истины.

– Нет. Разве что исследования, которые сейчас ведутся, что-то изменят, – снова сказала она.

Ничего другого она предложить не могла, и так было изначально, учитывая локализацию и тяжесть травмы Лили.

– Тогда зачем папа везет меня ко всем этим врачам?

Ее совершенно не радовала мысль, что ее будут осматривать и тыкать еще четыре врача. Пусть ее отец не доверял Джесси, но она ей верила и знала, что та права. Она все время это подозревала. Что бы там ни говорил отец, но ее ноги были слишком безжизненными, чтобы она снова могла ходить.

– Потому что он надеется, что я ошибаюсь. Не стоит его осуждать. На его месте я, вероятно, поступила бы так же. Никогда не помешает выслушать другое мнение и узнать что-то еще.

Она старалась корректно отзываться о намерениях Билла, по крайней мере перед дочерью, хотя, как ее врач и хирург, она предпочла бы, чтобы пациентка обратилась сразу в клинику Крейга и начала реабилитацию, вместо того чтобы пускаться в изнуряющее путешествие. Но условия для этого были оптимальные, поэтому серьезных возражений медицинского толка у нее не было – только философского. И ей категорически не хотелось бы, чтобы Лили цеплялась за несбыточные надежды. Но сейчас Джесси знала, что это не так, только Билл тешил себя иллюзиями, а он не был пациентом Джесси. Его отказ смотреть правде в глаза был его собственной проблемой. Джесси знала, что врачи и физиотерапевты в клинике Крейга сделают для Лили все возможное. И рано или поздно Биллу Томасу придется смотреть в лицо фактам.

– Я буду по вам скучать, – тихо проговорила Лили и подъехала вплотную к Джесси, чтобы обнять ее. И затем выдохнула: – Спасибо, что спасли мне жизнь.

Билл Томас так и не сказал ей этих слов. Обнимая девочку, Джесси чувствовала, как глаза наполняются слезами. Столько всего случилось после того, как они с Лили встретились. И для нее это было время утрат и перемен. За последние полтора месяца они многого лишились, а в чем заключался смысл, если вообще он был, и благо – пока оставалось неясным.

– Будем на связи? – мягко спросила Джесси.

Обычно она этого не спрашивала, разве что по врачебным соображениям, но Лили уже много значила для нее. Она была особой девочкой, в этом отношении Билл был прав.

– Обещаю.

Джесси была рада, что они смогли поговорить наедине, без ее отца, а такая возможность выпадала нечасто. Он редко оставлял Лили одну в больнице и по возвращении домой намеревался действовать в том же духе. Джесси понимала, что его гиперопека в конечном счете станет угнетать Лили, но он все еще не оправился от шока после случившегося, и, вероятно, ему потребуется много времени, равно как и ей, чтобы прийти в себя после гибели Тима. Теперь, всякий раз как Крис куда-то уезжал или у него звонил телефон, ее сердце уходило в пятки.

Она знала, что пройдут годы, прежде чем она снова вздохнет свободно. Худшее произошло, и теперь она боялась за своих детей. Так же, как Билл – за Лили. Это была их ноша, и Джесси понимала, что детям от этого нелегко.

Полтора месяца спустя Лили выписывалась из больницы, и ее отъезд стал событием для всех, кто о ней заботился. Медсестры пришли попрощаться и принесли небольшие подарки. Ординатор поцеловал ее, а Бен пожелал удачи. Лили сильно обняла Джесси и еще раз поблагодарила ее, в глазах у многих стояли слезы, когда она махала из окна лимузина, направляющегося в Рино. Оттуда они летели в Лондон на первую из четырех консультаций. Билл хотел назначить еще одну, в Берлине, но тамошний нейрохирург, ознакомившись с ее историей, отказался со словами, что это будет пустая трата времени.

Коляска лежала в багажнике, и медсестра Дженнифер, которую нанял Билл, ехала с ними, в полном восторге от путешествия. Ей было двадцать семь, прежде она никогда не бывала в Европе и вообще в Восточном полушарии. Она окончила медицинское училище при Университете Сан-Франциско, а затем вернулась в Тахо, где выросла. Она предвкушала большое приключение и по дороге болтала с Лили, пока Билл разговаривал по BlackBerry. В последние полтора месяца он запустил дела и сейчас снова принялся за них.

При виде самолета, который дожидался их в Рино, Дженнифер ахнула. Это был «Боинг Бизнес-джет», невероятно роскошный внутри. Билл легко отнес Лили на борт и усадил в большое комфортабельное кресло. В самолете были гостиная, столовая и, по настоянию Билла, две спальни, чтобы они могли отдохнуть. В Лондон они должны были прилететь через десять часов, в семь утра по местному времени. Консультация с главным нейрохирургом больницы Королевского колледжа была назначена на следующее утро. Для них забронировали два люкса в 5-звездочном «Кларидже». Билл возлагал большие надежды на эту встречу, даже хотел остаться в Лондоне, если врач предложит проходить лечение здесь.

Лили посмотрела два фильма, затем Дженнифер помогла ей расположиться в спальне. Попасть в ванную комнату на коляске было затруднительно, и Билл на руках перенес ее туда и обратно, после чего осторожно положил на кровать. Оставшееся время Лили спала, она все еще легко утомлялась. Дженнифер сняла жизненные показатели – подопечная была в порядке и во время перелета чувствовала себя хорошо.

В аэропорту Хитроу они мигом прошли таможенный и паспортный контроль, Дженнифер толкала коляску Лили. Там их дожидался «Бентли», чтобы доставить в отель. Номера были комфортабельные, элегантно обставленные. Лили ужасно хотелось выйти, но отец настоял на отдыхе. Она набрала Веронике, но та была на тренировке, тогда Лили отправила сообщение по голосовой почте, сказав, что ждет не дождется встречи с ней. В Денвер они собирались вернуться дней через десять, в зависимости от того, как пойдут консультации.

День они провели в номере – отдыхали и смотрели фильмы по телевизору. А на следующее утро, после завтрака в люксе Лили, отправились в больницу Королевского колледжа на встречу с первым нейрохирургом. Он был пожилой и солидный, уже ознакомился со всеми выписками и мог бы дать заключение заочно, но Билл настоял на личной консультации, желая, чтобы Лили осмотрел специалист высокого уровня. После осмотра Лили вместе с Дженнифер отправили в приемную, а Билл остался побеседовать с врачом. Лили хотела присутствовать при разговоре, но отец предпочел говорить с глазу на глаз. Врач выглядел серьезно и сразу высказался по сути:

– Очень сожалею, мистер Томас, но я полностью разделяю мнение нейрохирурга, который оперировал вашу дочь. При полной спинальной травме на уровне десятого позвонка грудного отдела она не сможет пользоваться ногами. С точки зрения медицины это невозможно. Мне бы не хотелось, чтобы вы или Лили питали ложные надежды. Сейчас ей необходимо сосредоточить силы на реабилитации и жить дальше. Многие великие люди вели деятельную жизнь,

будучи парализованными и сидя в инвалидной коляске. Одним из них был ваш президент Франклин Рузвельт. Я считаю, сейчас важно сориентировать Лили в этом направлении, а не надеяться понапрасну – это только навредит ей.

Сказанное стало ударом для Билла и привело в ярость. Он решил, что врач – старпер и пессимист и настроила его в этом духе Джесси со своими выписками. Выходя из кабинета, он выглядел раздраженным и Лили ничего не сказал. О мнении врача она догадалась по вопросам, которые тот задавал ей, ведь именно об этом ее спрашивала Джесси на протяжении полутора месяцев. После разговора с ней у Лили не осталось иллюзий. А у отца они были. Она попросила поехать в «Хэрродз»² на шопинг, поскольку отлет в Швейцарию был на следующий день и у них оставалось много времени. Ей уже доводилось бывать в этом универмаге и очень нравилось делать там покупки.

Отец высадил их с Дженнифер и сказал, что подождет в машине. Ему требовалось сделать несколько звонков в Нью-Йорк. Но Лили не была готова к тому, как сложно делать покупки, находясь в инвалидной коляске. Кругом сновали толпы народа, перед лицом у нее мелькали локти и сумочки. Продавщицы разговаривали с Дженнифер, а не с ней, и игнорировали ее, даже когда она обращалась к ним напрямую. Она не могла ничего примерить – это было сопряжено с большими сложностями. Это был пугающий, обескураживающий опыт, предвестие того, какой отныне будет ее жизнь. Лили впервые оказалась на людях в инвалидной коляске, и Дженнифер видела, насколько она была подавлена, когда они возвращались к лимузину. Девочка чуть не плакала, а Билл удивился тому, как быстро они со всем управились. Среди магазинной толпы у Лили возникло чувство клаустрофобии, и она вернулась к машине с пустыми руками.

– Это что-то новенькое, – улыбнулся ей отец. – Ты ничего не купила?

Обычно она, как все девушки ее возраста, любила ходить по магазинам, и, когда не было тренировок, они с Вероникой часто отправлялись на шопинг.

– Мне ничего не понравилось, – тихо сказала Лили и попросила отвезти ее в отель, что удивило Билла.

– Может, пообедаем где-нибудь?

Она помогала головой.

Ей хотелось только одного – исчезнуть. Ее первая попытка соприкоснуться с миром, предпринятая в «Хэрродз», закончилась катастрофой, и сознание того, что ждет ее в будущем, обрушилось на девочку с силой чугунного молота.

В отеле они заказали обед в номер. Билл видел, что дочь глубоко подавлена, но почему именно, до конца не понимал. Он не видел, насколько тяжело ей было в универмаге, а Дженнифер слишком его боялась и ничего не рассказала. Она оставила Лили наедине с отцом и пообедала в своей комнате. Ей не хотелось мешать им. Выбрав Дженнифер, Джесси поступила очень дальновидно. Она была хорошей медсестрой и очень тактичным человеком. И нравилась Лили.

– Малышка, все будет хорошо, – ободряюще сказал Билл, когда они ждали обед в ее люксе. Он догадывался, что шопинг прошел не очень удачно. – Ты в этой коляске не навсегда. Как только встанешь на ноги, будешь бегать по магазинам сколько захочешь.

Он руководствовался благими намерениями, но ей стало еще тяжелее. Ей казалось, что она – во сне, как Алиса из «Страны чудес» или Дороти из «Страны Оз».

– Не надо! – закричала она, и он изумился. – Не надо вести себя так, точно я снова буду ходить! Этого не произойдет. Так думаешь только ты, – сказала она и горько зарыдала, а он попытался ее успокоить, но безуспешно.

² Самый известный универмаг Лондона и один из крупнейших в мире.

– Порой вера одного упрянца творит чудеса, – сказал он. – Я никогда не сдаюсь, Лили, и сделаю все, чтобы ты снова смогла ходить.

Он верил в это, а Лили больше не верила.

– У тебя не получится, – по-прежнему рыдала она. – У меня разрыв спинного мозга. Я никогда не встану на ноги и навсегда останусь в этой дурацкой коляске. Когда наконец ты поймешь это и примешь? Я не хочу ездить ко всем этим врачам. Они все будут говорить одно и то же.

– Пока мы не найдем того, кто скажет другое, – тихо произнес он. – Мы ищем именно его. Он искал Святой Грааль. Это была безумная и бессмысленная затея.

– Я хочу домой, – жалобно сказала она.

– Так и будет. Просто дай мне еще неделю, а потом мы вернемся в Денвер.

Но там она попадет на реабилитацию на несколько месяцев, а ему это ужасно не нравилось. Однако Джесси настаивала на этом, и он уступил. Все уже было согласовано. Ее ждали в клинике сразу по возвращении домой. Лили это тоже пугало. Клиника представлялась ей тюрьмой, в которой все перемещаются на колясках и вряд ли есть ребята ее возраста. Она скучала по друзьям. Ей за глаза хватило полутора месяцев, проведенных в больнице в Скво-Вэлли, и просто хотелось домой.

Когда принесли обед, Лили поела совсем немного, а потом они с Дженнифер несколько часов играли в карты, и это ее отвлекло, а затем они смотрели фильм по телевизору у себя в люксе. День тянулся долго, скучно, и вечером, ложась спать, Лили была печальна. Билл тоже лег рано. Ему не хотелось говорить дочери, что слова британского врача расстроили его. Стоило ли тащиться в такую даль, чтобы услышать старую песню. Но надеялся, что следующие две консультации окажутся более продуктивными.

В Швейцарии им сказали в точности то же самое. Осмотр был формальный, нейрохирург определился с заключением заранее, на основании выписки и обследований, проведенных Джесси. Вслед за своим коллегой из Лондона он не мог понять цели их визита. Консультация закончилась меньше чем за час, и, хотя у них были забронированы два лучших люкса в 5-звездочном «Отеле Бо-о-Лак» на берегу Цюрихского озера, Билл принял решение тем же вечером лететь в Нью-Йорк и поручил Энджи переназначить консультацию. Она договорилась на следующий день. Билл укрепился во мнении, что в Штатах у них будет больше шансов. Европейские докторишки мыслят слишком традиционно и старомодно, в их арсенале нет ничего инновационного. Он возлагал большие надежды на нейрохирургов в Нью-Йорке и Бостоне. А здесь все оказалось без толку.

Он сказал Дженнифер и Лили, что они улетают сегодня вечером. После раннего ужина в люксе они поехали в аэропорт, взяли курс на Нью-Йорк и совершили посадку в полночь по местному времени. Разница во времени была им на руку – они выиграли шесть часов и через полчаса оказались в отеле «Карлайл». Во время перелета Лили хорошо отоспалась, они с Дженнифер заказали ужин в номер, а потом играли в карты. Они прекрасно поладили – Дженнифер всецело помогала Лили и умело отвлекала ее с помощью карт, игр, модных журналов и светских сплетен. С такой компаньонкой девочке было в дороге гораздо веселее.

Позже Лили отправила сообщение Веронике в Денвер, сказав о том, что они в Нью-Йорке. Та ответила тотчас. Она была на вечеринке с крутыми парнями и очень ждала возвращения Лили. Лили тоже не могла дождаться встречи с подругой. Это были два самых долгих и тяжелых месяца в ее жизни. Она скучала по дому, по прежней жизни, по старым друзьям и говорила Дженнифер о том, как будет счастлива увидеть их снова.

Глава 8

В квартире было темно – Джо Генри сидел за внушительным письменным столом своего английского партнера в библиотеке у себя дома. Он жил в этой нью-йоркской квартире с женой Карен последние пятнадцать лет, с тех пор как сыновья выросли и таунхаус на 81-й улице был продан. А последние полгода Джо жил один. Жизнь дала такой крен, какого он никак не ожидал. Годы, проведенные в опустевшем доме, не прошли даром для Карен и их брака. Без мальчиков, которым сейчас уже было за тридцать, она чувствовала себя потерянной. Один теперь жил в Атланте, другой – в Кливленде, оба работали в крупных корпорациях, были женаты и обзавелись собственными детьми.

Желая заполнить душевную пустоту, Карен заинтересовалась восточной философией, а Джо продолжал работать на Уолл-стрит и редко бывал дома. А как только мальчики поступили в колледж, он стал проводить с женой еще меньше времени. Теперь он понимал это, а раньше ему было невдомек. Отъезд мальчишек он воспринимал как возможность работать больше и расширять бизнес. Он взял себе партнера, и это привело к катастрофическим последствиям, а Карен стала совершать паломничества в Индию и поначалу проводила в ашраме³ недели, а потом месяцы. Она нашла себе гуру, которого слушалась беспрекословно, и так они с Джо стали постепенно отдаляться друг от друга. Потом она окончила кинокурсы при Нью-Йоркском университете и принялась снимать документальные фильмы, чтобы популяризировать учение своего гуру, а затем отправилась путешествовать по Тибету и Непалу и последние десять лет практически не появлялась дома.

³ Обитель мудрецов и отшельников, которая обычно располагалась в отдаленной местности – в горах или в лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.